

Т.В. Смирнова

**Сергиев Посад
и окрестности**

Москва.

Издательский дом
«Научная библиотека»

2016

УДК 908

ББК 63.3 (2), 75.81

С 50

Смирнова Т.В.

Сергиев Посад и окрестности: Города Подмосковья. Прогулки во времени и пространстве [Текст] / Т.В. Смирнова. – М.: Издательский дом «Научная библиотека», 2016, 160 с.; илл.

Серия книг: «Города Подмосковья. Прогулки во времени и пространстве»

Книга поможет совершить увлекательную экскурсию по древнему православному монастырю, основанному великим русским святым преподобным Сергием Радонежским, познакомиться с его архитектурным ансамблем, созданным в течение XV–XVIII веков, а также узнать о скитах, монастырях и других святынях в его окрестностях. Познакомит с некоторыми замечательными людьми, которые жили здесь раньше.

Предназначена для широкого круга читателей.

Счастливого пути!

В настоящей серии вышли книги:

Табунова Н.В. Дмитров

Смирнова Т.В. Хотьково и Радонеж

ISBN 978-5-9908377-4-4...

Копирайт Смирнова Т.В. (Текст)

Копирайт Издательский дом

«Научная библиотека», 2016

От автора

Впервые мне довелось увидеть Лавру в середине 50-х годов прошлого столетия жарким летним днем. Она ошеломила многолюдством и пестротой. Попытки разобраться, что-то понять, оказались бесполезны. Привыкнув с детства полагаться на письменное слово, старалась прочитать надписи. Но нашла их тогда только в Трапезной. И долгое время не возникало желания еще раз побывать в Лавре. Потом заинтересовалась архитектурными памятниками. Поняла, что зная время построения. По их облику можно читать историю Росс, как по книге. И обнаружила, что многие уезжают из Лавры с таким же непониманием того, что они увидели, даже прослушав экскурсию.

Не стремясь расположить рассказ о памятниках Лавры в хронологическом порядке, я предлагаю один из возможных вариантов знакомства с нею.

Я постаралась здесь рассказать и о Вифанском монастыре, созданном в XVIII веке близ Лавры, и о скитах, возникших на земле преподобного Сергия в XIX веке, и о некоторых других святых окрестностях Лавры. Заранее прошу прощения, если указанные мной номера автобусов и маршрутных такси через какое-то время не будут соответствовать действительности.

В этот небольшой город приезжало немало известных людей. А в 1920-е годы его выбрали местом своего обитания семьи с аристократическими фамилиями. Подвергавшиеся гонениям в те трудные времена, они приезжали под покров Преподобного. О судьбах некоторых из них рассказано в этой книге.

Книга написана для тех, кто захочет глубже вникнуть в увиденное, ощутить красоту Лавры и приехать еще не раз. Более крупным шрифтом выделены сведения, которые стоит прочитать еще заранее, до поездки а, текст мелким шрифтом предназначен для чтения на обратном пути или уже дома.

НА БОГОМОЛЬЕ К ТРОИЦЕ

«К Троице бы вот сходить надо ... Там уж круглый те год моление, благолепие ... а чистота какая!.. И каки соборы, и цветы всякие, и ворота все в образах ... а уж колокола – а звонят ... поют и поют прямо!..». Так говорил старик-плотник Михаил Горкин, один из героев повести И.С. Шмелева «Богомолье».

Поход на богомолье, к Троице, был раньше большим событием в жизни человека. Он был духовной потребностью. Иные отправлялись в путь в экипаже, другие сотни верст брели пешком к святыням Троице-Сергиевой лавры, чтобы приложиться к мощам Преподобного. Для людей, занятых однообразной тяжелой работой, такой поход становился еще и редким отдохновением и праздником. Богомолье насыщало жизнь радостью, очищало душу, вселяло надежду на исполнение заветных чаяний.

А в 1862 году была открыта железная дорога от Москвы до Сергиева Посада. Она так и называлась – Троицкой. И рассчитана была, прежде всего, на богомольцев. И.Ф. Мамонтов, прежде чем взяться за строительство, на Крестовской заставе, откуда начинался путь к Лавре, посадил счетчиков. Они сосчитали, сколько человек проходит в день, сколько телег и экипажей проезжает. И вычислил, что железная дорога должна окупиться.

С введением железнодорожного сообщения число богомольцев возросло. Но многие продолжали идти в Лавру пешком – хотели потрудиться, надеясь, что тогда преподобный Сергей услышит их молитвы.

Знаменитый историк В.О. Ключевский писал: Творя память преподобного Сергия, мы проверяем самих себя, пересматриваем свой внутренний запас, завещанный нам великими строителями нашего

нравственного порядка, обновляем его, пополняя произведенные им траты. Ворота преподобного Сергия затворятся и лампы погаснут только тогда, когда мы растратим этот запас без остатка, не пополняя его».

И такое время настало. Были вскрыты мощи Преподобного, прекратились богослужения. И тогда, в 1920 году, Святейший Патриарх Тихон напомнил слова В.О. Ключевского и добавил: « Ныне закрываются ворота Лавры и гаснут в ней лампы ... Очистим же сердца наши покаянием и молитвами и будем молить Преподобного, дабы не покидал он Лавры своей...».

В конце Великой Отечественной войны началась передача храмов Лавры Патриархии. В 1948 году мощи преподобного были помещены опять в Троицкий собор, на то место, где они находились в течение пяти столетий.

А скоро снова началась усиленная антирелигиозная пропаганда, – в 1958 году было принято постановление ЦК КПСС «О мерах прекращения паломничества к так называемым святым местам». Прекратился ли поток богомольцев в Лавру? Вот как пишет А. Дурова, побывавшая в Троицком соборе Лавры в одно из воскресений 1964 года: «В этой маленькой темной церкви, в колеблющемся свете бесчисленных свечей, толпы паломников проходят поклониться мощам преподобного Сергия. Плотная бесконечная людская река не иссякает с 5 утра до 10 вечера. Неустанно читаются молитвы и прошения к великому святому Земли Русской. Станный речитатив на однообразный и завораживающий напев. Здесь люди всех сословий, но больше всего бедных, бедных в полном и прямом смысле слова. Их лица отражают душевное спокойствие, просветленность и чистоту души. Уверенность, которую придает им молитва: “Радуйся, преподобный Сергие, служителю Бога живаго!”».

И сейчас мы понимаем, что, несмотря на все усилия властей разрушить у народа веру в Бога, преградить путь к великому русскому святому – преподобному Сергию Радонежскому. Не иссякла любовь к его обители. Множество людей приезжает в Лавру. Часами они готовы стоять в очереди,

чтобы приложиться к мощам Преподобного и прошептать молитву, зная, что она будет услышана.

СЕРГИЕВ ПОСАД. ПУТЬ К ЛАВРЕ

Если вы приезжаете в Сергиев Посад из Москвы электричкой, то золотые главы храмов Лавры будут вам видны еще при подъезде к городу из окна вагона, с левой стороны. Выходите на Вокзальную площадь. Здесь можно разыскать фигуру человека с тростью, сидящего в кресле, в несколько странной позе. Это памятник **С.И. Мамонтову** работы скульптора В. Чухаркина. Не совсем ясно, почему его поместили на площади, ведь это не он, а его отец – Иван Федорович Мамонтов строил железную дорогу от Москвы до Сергиева Посада. Савва Иванович уже протянул ее дальше на Север.

К Лавре можно проехать от автовокзала, находящегося тут же на площади. Это всего одна остановка на автобусе или маршрутном такси. Но лучше пройти этот путь пешком: сразу из электрички направо, параллельно железной дороге, а дальше по Сергиевской (бывшей Вокзальной) улице. Она приведет к смотровой площадке, откуда замечательный вид на Лавру. Вспоминается, как пред царевичем Гвидоном из пушкинской сказки, открылся

Чудный город со дворцом,
Златоглавыми церквями,
Теремами и садами...

А перед вами холм Маковец: монастырь, его стены и башни, храмы с золотыми и голубыми главами, красавица-колокольня.

Место, где Вы стоите, называется **Блинная горка**. Раньше внизу стояли блинницы. Выразительно писал И.С. Шмелев о знаменитых троицких блинах в повести «Богомолье».

К празднованию 700-летия преподобного Сергия Радонежского, в 1914 году, чуть ниже смотровой площадки установили памятный знак «**Чудо о птицах**». В житии Преподобного рассказывается, что однажды вечером во время молитвы он увидел свет и множество птиц. И услышал голос: «Как много ты видел птиц этих, так умножится стадо учеников твоих и после тебя не истощится, если они захотят по твоим стопам идти».

А внизу, под холмом, течет маленькая речка – Кончура с серебристыми ивами по берегам. Через речку перекинут мостик. Рядом стоит изящная белая, круглая в плане часовня. Называется она **Надкладезной**, то есть поставленной над кладезем (колодцем) или **часовней Пятницкого монастыря**.

Необычно то, что ее ярусы и глава покрыты осиновым лемехом (фигурными дощечками), образующим подобие чешуи. Осина набухает от влаги, и такое покрытие достаточно прочно. До последнего времени лемех можно было увидеть только на главах некоторых северных деревянных церквей. Но когда в последние десятилетия возобновилось строительство храмов, его нередко опять используют, однако лишь для деревянных строений. А вот в XV и XVI веках, как считают реставраторы, лемехом были покрыты главы каменных храмов монастыря. И при реставрации этого памятника в 1960-х годах восстановили лемеховое покрытие. Точное время постройки часовни неизвестно. Но по резным наличникам окон и другим архитектурным деталям можно предположить, что поставили ее в конце XVII или в начале XVIII века.

Впереди, на другом берегу речки, видны два белых одноглавых храма и небольшая колокольня. Это церкви Пятницкого монастыря на Подоле – **Введенская и Пятницкая**. Выстроены они еще в середине XVI века. Однако внимательный глаз заметит несоответствие верхней и нижней частей Введенской церкви – той, что слева. Она стала памятником событий Смутного времени, когда поляки осаждали монастырь. Ее, в это время частично разрушенную, перестраивали в XVIII веке. А комплекс Пятницкой церкви, состоящий из храма, примыкающей к нему трапезной и колокольни, по своему облику больше похож на постройку XVII столетия.

Со смотровой площадки хорошо видны стены и несколько башен Лавры. Обращает на себя внимание угловая восьмигранная **Пятницкая башня**. Она производит впечатление своей мощью. Башня, стоявшая на этом месте в XVI веке, была разрушена. Под нее осаждавшие провели подкоп, и тогда двое крестьян взорвали его и погибли при этом сами. А существующую в настоящее время башню возвели в 1640 году.

Со смотровой площадки можно спуститься вниз, по мостику перейти реку и по оживленному проспекту, пересекающему весь город, дойти до регулируемого перехода, и по нему выйти на **Красногорскую площадь** перед Лаврой. А можно пройти по дороге вправо, чтобы пересечь проспект по подземному переходу. Если вы выберете второй путь, то встретите на нем множество лавочек и лотков с разнообразными сувенирами на любую цену и на любой вкус. Тут представлены художественные промыслы чуть ли не всех регионов нашей страны. В огромном ассортименте, конечно, матрешки, ставшие символом не только Сергиева Посада, но и России. Порадуют богородские резчики с их забавными медведями и «курами на кругу» – замечательными игрушками «с движением». По преданию, первую игрушку из дерева вырезал сам преподобный Сергей Радонежский. Сергиев Посад стал центром игрушечного промысла еще в XVIII–XIX веках. Ведь что было лучше всего принести детям из похода на богомолье? Ну, конечно, игрушку.

И вот вершина холма Маковец – Красногорская площадь перед Лаврой. Когда-то на ней были в праздничные дни многолюдные базары.

Если вы приехали в Сергиев Посад автотранспортом, то, разыскав место, где поставить машину, вы также придете на эту площадь – только с нее можно попасть на территорию монастыря.

С площади, если посмотреть налево, открывается панорама южной части города: современные многоэтажные здания и старые посадские домики. В ясную погоду можно разглядеть приходские церкви и колокольни.

А направо, сквозь зелень деревьев, виднеется **Старая монастырская гостиница**. Выстроена она в первой половине XIX века. Находившаяся еще

недавно в полуразрушенном состоянии, в настоящее время благодаря трудам Лавры она стала уютным современным отелем с трапезной, где предоставляются услуги паломникам и экскурсантам. Перед гостиницей – памятник Ленину работы скульптора С.Д. Меркурова и архитектора Д.П. Осипова, поставленный в 1926 году. Это память о том времени, когда в гостинице располагались партийные и административные учреждения города и района.

На восточной стороне площади, напротив Лавры, стоит желтая с зеленой кровлей **Красногорская часовня**. Она поставлена в 1770 году на том месте, куда были вынесены мощи Преподобного во время пожара 1709 года. Рядом с часовней – большое кирпичное здание с башенками, творение лаврского архитектора А.А. Лаврова. Это бывшие **Красные торговые ряды**. Построено оно в самом начале XX века. Сейчас здание передано Лавре и проведена его реконструкция. А на другой стороне проспекта (проспекта Красной Армии) недавно поставлен **памятник родителям преподобного Сергия – Кириллу и Марии с детьми**.

В Лавру ведут **Успенские и Святые ворота**. Успенские – справа, прямо напротив Успенского собора. А Святые – в Красной башне. Рядом с воротами, прямо к самой крепостной стене, раньше лепились маленькие лавки, торговавшие игрушками и разными святостями. Сейчас для торговли на площади поставлен отдельный павильон. Вход в Лавру сейчас через Святые ворота. А через Успенские въезжают на территорию Лавры служебные машины.

ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА ЛАВРА

На Святых воротах Лавры справа и слева есть две чугунных доски с надписями. Ими в 1910 году было отмечено 300-летие снятия осады с Троице-Сергиева монастыря. Монастырь пережил в Смутное время 16-тимесячную осаду поляков, потерял много защитников, но не сдался.

А на стенах написаны картины на темы жития преподобного Сергия Радонежского. Пройдя несколько шагов, вы окажетесь в арке, над которой высится церковь Иоанна Предтечи, и увидите продолжение росписи с сюжетами из жизни Преподобного. Запечатлены все основные события его жизни: постройка братьями Варфоломеем и Стефаном деревянной церковки на Маковце, пострижение Варфоломея в монахи, труды Преподобного, встреча с голодным медведем, которому Сергей дал кусок хлеба, благословение Сергием князя Дмитрия Донского на битву с татарами, видение множества птиц, исцеление ребенка.

Дальше, выйдя из-под арки, если пройти прямо вперед, вы выйдете к главному собору Лавры – Троицкому, где покоятся мощи Преподобного. Справа от дорожки – стена огромного Успенского собора, слева, немного в глубине, видно большое здание Трапезной. И вот уже перед вами Соборная площадь Лавры. Впереди желтое здание Казначейского корпуса келий Лавры, построенное в XVIII веке. Справа высится колокольня. А слева – вот он – **Троицкий собор!**

ТРОИЦКИЙ СОБОР

Лучшее место, откуда можно хорошо увидеть собор – это, если встать, немного не доходя **Сени над бассейном**, где летом паломники берут святую воду. Оттуда открывается вид на собор с северной стороны, и частично видна восточная сторона с тремя алтарными выступами – абсидами.

Вход в собор через пристроенную в XVI веке западную паперть. Там продаются свечи. Из паперти через портал, украшенный орнаментальной росписью, богомольцы входят в храм. Высокий пятирусный иконостас отделяет его алтарную часть от помещения для молящихся. Свет из узких окон, от свечей, разноцветных лампад... Но хорошо рассмотреть верхние ряды иконостаса нет возможности. К тому же в храме обычно много богомольцев, стремящихся подойти к **раке с мощами Преподобного**, так что

придется пройти быстро. Однако вы сможете увидеть деисусный чин иконостаса и замечательно выполненную копию рублевской иконы «Троица», а потом приложиться к мощам Преподобного.

В первой половине XIV века, на лесной поляне, на холме Маковец братья Стефан и Варфоломей, будущий великий святой Сергей Радонежский, построили маленькую деревянную церковь, вероятно, «клетского» типа, то есть сложенную из бревен, образующих квадратную в плане клеть. Завершалась такая постройка двускатной крышей с главкой или просто крестом. Клетскую церковь можно сейчас увидеть недалеко от Лавры, к северу, в селе Благовещенье.

Когда монастырь разросся, построили церковь побольше, тоже деревянную. Татаро-монгольские войска во главе с Едигеем, уже после смерти Преподобного, в начале XV века, сожгли монастырь. На месте сгоревшей в 1406 году выстроили новую деревянную церковь. Какими они были, эти храмы, мы не знаем.

А в 1422 г. было решено возвести каменный храм. В то лето вслед за исключительно морозной зимой разразился страшный голод. Люди молили Преподобного о помощи. Собор был поставлен «в похвалу» святому. Построили его при ученике преподобного игумене Никоне на средства князя Юрия Звенигородского, сына Дмитрия Донского, крестника преподобного Сергия. Каменных сооружений в ту пору было немного. Выбор для строительства камня, а не дерева выражал особую признательность Преподобному. Деревянное – бренно, каменное – вечно. На века и поставили храм на том самом месте, где стояла когда-то первая церквушка, построенная будущим великим русским святым. А новую, недавно выстроенную деревянную церковь, переместили на несколько метров к востоку. Через полвека ее разобрали и поставили на ее месте Духовскую церковь (церковь сошествия Святого духа на апостолов).

Сергий Радонежский был похоронен под деревянной церковью. Когда рыли котлован под фундамент каменного храма, произошло обретение его мощей. Этот день – 18 июля – отмечается с тех пор как летний Сергиев день.

Князь Дмитрий Донской заменил деревянные стены Кремля на стены из белого камня – известняка. Они не сохранились. Осталось только выражение «Москва белокаменная». А Троицкий собор, сложенный из того же известняка, стоит уже без малого шесть веков. Стены делали слоеными: укладывали два ряда

тесаных блоков на некотором расстоянии друг от друга, промежутки заполняли обломками того же известняка и булыжниками, заливали раствором извести.

Можно подумать: неужели русские люди не умели в то время делать кирпич? Причина в другом: такую технику кладки да и архитектуру церквей принесли еще в XII веке во Владимиро-Суздальское княжество галицкие мастера. Их призвал переславль-залесский князь Юрий Долгорукий, известный нам как основатель Москвы. В окрестностях Галича, с которым князь был связан военным союзом, есть большие залежи известняка. Из него там и строили церкви. Откуда же взяли мастера привычный материал, когда добрались до Переславля? Давным-давно, на той территории, которая сейчас называется Подмосковьем, было море. Скелеты бесчисленных морских организмов падали на дно, спрессовывались, затвердевали и образовывали камень. Потом море ушло, и в разных местах обнаружили слои известняка. Ученые определили, что храмы Владимиро-Суздальской Руси строили из камня, разработки которого велись на берегу реки Пахры, юго-восточнее нынешней Москвы, близ села Мячково. Потому его называют еще мячковским известняком. Именно там находят месторождения камня, белого и прочного. И хотя путь до Переславля не близок – более 150 км – из него-то и стали строить. Глыбы камня везли по рекам на лодках. А уже на месте тесали правильные блоки. И сейчас стоит в Переславле белокаменный Преображенский собор. Выстроили галичане и такие шедевры мирового зодчества как соборы во Владимире – Дмитровский и Успенский, и церковь Покрова на Нерли. Взглянув на них, мы увидим, что мастера использовали мягкость известняка, украсив стены церковью изумительной белокаменной резьбой.

А потом было татаро-монгольское нашествие. Строительство на Московской земле почти прекратилось более чем на сто лет. Только после Куликовской битвы, в конце XIV – начале XV века, оно возобновилось. Чуть раньше Троицкого собора были возведены по заказу князя Юрия Звенигородского белокаменные храмы в Звенигороде: Успенский собор на Городке, рядом с резиденцией князя, и собор в Саввино-Сторожевском монастыре. Как раз под Звенигородом тоже имеются залежи известняка, его и использовали. Но откуда брали камень для Троицкого собора? По остаткам микроскопических раковин оказалось возможным определить место его происхождения. Ученые, среди них был и геолог П.В. Флоренский, внук о. Павла Флоренского, выяснили, что добывали камень в карьере близ села Мячкова, неподалеку от разработок XII

века. Удобного водного пути до места строительства не было. Глыбы камня приходилось везти зимой на санях. Но, несмотря на трудности доставки, от замысла не отказались: храм-памятник преподобному Сергию Радонежскому возвели из белого камня.

В Византии, откуда пошла русская православная культура, ценили, прежде всего, интерьер храма, а не его внешний вид. А русские люди считали, что внутри церковь могла быть маленькой и тесной, но снаружи она должна быть хорошо видна, чтобы путник, идущий по дороге к храму, видел его издалека.

Надо заметить, что византийские церкви – снаружи темные, коричневатого цвета. А белокаменные храмы настолько полюбились русским людям, что когда перешли на строительство из кирпича, долгое время стены белили. Белизна воспринималась как символ чистоты церкви, подобно платью невесты. Такими белыми мы видим Успенский собор и Духовскую церковь в Лавре.

В постройках раннемосковского зодчества много общего с храмами XII века, то есть, церквями домонгольской эпохи. Они квадратные в плане, четырехстолпные. Из отличий больше всего заметно то, что у закомар килевидная форма и на стенах резной пояс. Закомары – это завершения стен, на которые опираются своды с покрытием. В XII веке их делали полукруглыми. Мы можем видеть такие у Успенского собора Лавры, хотя он построен позже, во второй половине XVI века. Он архаичен, потому что строили его по древним образцам. У храмов XV-го века закомары с заострением, так что они напоминают профиль перевернутой вверх дном лодки. Такова же и форма порталов, обрамляющих вход в собор. Князь Евгений Трубецкой считал, что эта заостренность закомар, как и заостренность глав, говорит о могучем молитвенном подъеме храмов той эпохи.

Сравнительно мягкий, пористый камень, как уже сказано, хорошо поддается обработке. Переславский собор отличается суровой гладкостью стен. А храмы во Владимире имеют аркатурно-колончатый пояс (подобный можно увидеть в Лавре на стенах Успенского собора), и обильно украшены резьбой, изображающей и людей, и животных, и растения. Строители Троицкого собора отказались от нарядных узоров, подчеркнув аскетичность святого. Они только вырезали тройную ленту орнамента, проходящую почти посередине основного объема храма и поднимающуюся на восточной стене вверх, под кровли абсид. Есть предположение, что в этой резьбе мастера воссоздавали узор, сплетенный из веревки или полосок кожи.

В целом храм производит впечатление спокойной торжественности. Четкий простой объем, кристаллическая ясность – к этому стремились зодчие той эпохи. Узкие щелевидные окна не мешают восприятию цельности храма. В Древней Руси, считали, что храм должен быть подобен Богу, а Бог создал человека по своему подобию. Если вы взгляните в облик собора, то увидите, что перед вами стилизованный образ человека, человека–богатыря: мощное туловище, перепоясанное посередине, над ним возвышается могучий барабан (раньше говорили – «шея»). Заканчивается храм главой со шлемовидным покрытием. Он полон скрытой, потенциальной энергии. Только заостренность закомар и портала говорит о внутреннем молитвенном горении.

Попытаемся представить себе, какое впечатление производил собор в XV веке. Гармонировал ли он с окружающей средой, с природой? Нет, конечно, нет. Он стоял, «яко камень», белый, цельный среди потемневших от дождя бревенчатых келий. Пусть не было золотого купола – главу вначале покрыли лемехом – тонкими осиновыми дощечками, плотно, как чешуя, прилегавшими друг к другу. Но осина от дождя в чистом воздухе становится серебристо-серой, отражает цвет неба: на заре – розовая, в ясный день – серебристо-голубая, а когда солнце в зените, – золотистая.

В те времена кругом монастыря стояли глухие леса, в них жили медведи, волки, бродили лихие люди. Человек отвоевывал у леса землю, выкорчевывал деревья, возделывал поля. Стоило только на несколько лет забросить землю, как лес переходил в наступление, и поле зарастало снова. Голодные волки подходили к селению, резали скот. В те времена дикую природу человек воспринимал, как нечто враждебное, и вел с ней постоянную борьбу. И вот этой страшной тогда природе, человеческим распрям, войнам, тяготам жизни противостоял Троицкий храм.

Казалось бы: далеко мы ушли от тех времен. Теперь природа сама нуждается в защите. Так почему же тысячи и тысячи людей стремятся попасть в Троицкий собор, к мощам преподобного Сергия? Нет рядом волков, но есть волки двуногие. Мир, окружающий нас, и сейчас полон опасностей, зла, хаоса. Сергей «поставил собор Святой Троицы в лесной пустыне, где выли волки. Он молился, чтобы этот зверообразный, разделенный ненавистью мир преисполнился той любовью, которая царствует в предвечном совете Живоначальной Троицы» (Е.Н. Трубецкой). И, глядя на Троицкий собор, люди видели, что существует иной, горный мир.

В XVI веке над гробницей преподобного Никона поставили вплотную к южной стене Троицкого собора одноглавый Никоновский храм, у западной стены выстроили паперть, по повелению царя Василия III верх обили железом, а при Иване Грозном позолотили главу. В XVIII веке позакомарное покрытие заменили четырехскатным, сделали паперть с северной стороны. Растесали окна. В XVIII веке стены снаружи расписали под мрамор, а в начале XX века оклеили холстом и написали на нем иконы. «Досадливое чувство испытываешь, когдаходишь к Троицкому собору, – писал в 1919 году архитектор И.Е. Бондаренко, возглавлявший Комиссию по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры. – Застроен бесстильной грудой всяких папертей и тамбуров этот первый каменный храм монастыря, и покрыта белокаменная поверхность собора густым слоем штукатурки, а безвкусие плохого живописца дополняет гнетущее впечатление от росписи как алтарных абсид, так и всех его наружных стен; с большим трудом глаз восстанавливает былой архитектурный облик этого храма».

Несмотря на все трудности первых послереволюционных лет, Сергиевский историко-художественный музей организовал реставрационные работы: под руководством архитектора Д.П. Сухова была разобрана северная пристройка к собору, восстановлены формы нескольких окон, в 1925 году снят холст с белокаменных стен.

Летом 1941 года в Лавре были проведены маскировочные работы. Золотые купола покрыли серой краской, а купол Троицкого собора закрыли чехлом из мешковины. Его сшил и надел студент Академии художеств, В. Потоцкий, находившийся здесь на практике. Вскоре он погиб в бою. В 1966 году под руководством архитектора В.И. Балдина было восстановлено и позолочено позакомарное покрытие собора.

Иконостас собора с простыми и строгими тяблами создан в XV веке. Иконы для него написаны знаменитыми мастерами Андреем Рублевым и Даниилом Черным или под их руководством. Только верхний, пятый ярус был сделан в 1600 году по вкладу Бориса Годунова, да в самом нижнем (местном) ряду есть несколько более поздних икон.

Во втором ярусе – деисусный чин. Деисус по-гречески – моление. В центре этого ряда икона с изображением Иисуса Христа – «Спас в силах».

Здесь Он – Царь Царей и грозный Судия. К нему с обеих сторон приближаются в едином ритме фигуры молящихся, написанные в полный рост. Они четко выделяются на золотом фоне. Их головы склонены, к Нему простерты руки. Богоматерь, Иоанн Предтеча, архангелы, апостолы обращаются к сыну Божьему за милосердием, умоляя простить людям их грехи.

В нижнем ряду справа от Царских врат – самая знаменитая икона Андрея Рублева «Троица». Точнее – ее копия, написанная в конце 1920-х годов. Подлинная икона с 1928 г. находится в Третьяковской галерее. Икона зримо воплощает духовную сущность учения преподобного Сергия. Она написана на библейский сюжет: к Аврааму явились три путника. Андрей Рублев изобразил их в виде ангелов, олицетворявших три ипостаси Бога: Бога-Отца, Бога-Сына и Бога-Святого Духа. Ипостаси Бога нераздельны и в то же время неслиянны. Тайна Троицы непостижима умом человеческим. Ангелы сидят за столом. Их лица задумчивы, головы немного склонены. Они так едины, что им просто не надо слов. И взглядевшись, человек проникается ощущением того, что существует иной, горний мир, полный любви и гармонии. Свежесть красок, «близких к краскам троице-сергиевских полевых и луговых цветов в июне», как писал искусствовед граф Ю.А. Олсуфьев – дает ощущение тихой радости и чистоты.

Древние иконы дошли до XX века сильно потемневшими, порой до такой степени, что нельзя даже различить сюжет. Видя, что икона почернела, ее записывали, порой по несколько раз. Только благодаря реставраторам, снявшим верхние слои краски и потемневшую олифу, люди открыли древнерусскую живопись. Начата реставрация икон Троицкого собора была в 1919 году, в дальнейшем их расчищал и реставрировал художник-реставратор Н.А. Баранов (1924–1930, 1944–1949 годы). Икону Рублева «Троицу», расчистил еще в 1904–1905 годах В.П. Гурьянов, а в 1918–1919 годах ее реставрация была продолжена. То, насколько темнела икона всего за каких-нибудь сто лет, мы можем увидеть, посмотрев на икону «Троица», которая находится в нижнем ярусе иконостаса от Царских врат после иконы Богоматери «Одигитрия» (вторая слева). Это копия с

«Троицы» Рублева, написанная в XVI веке и тоже расчищенная. Художник написал ее гораздо более темными красками, потому что копировал образец, находившийся под уже потемневшей олифой.

Вначале только наиболее чтимые иконы закрывали драгоценными окладами. Потом это вошло в обычай. Сами по себе оклады являются часто замечательными образцами прикладного искусства, но живопись оказалась скрытой под ними. В большинстве случаев реставраторы снимают оклады с древних икон. Так, с иконы «Троица» были сняты венцы цаты – золотые с драгоценными камнями подвески в виде полумесяцев – вклад царя Ивана Грозного. Снят и закрывавший ее золотой оклад царя Бориса Годунова. Они находятся в Ризнице Лавры, которая является филиалом Сергиевского государственного историко-художественного музея-заповедника (рядом с Троицким собором).

Благодаря тому, что подлинная рублевская икона находится в Москве, в Государственной Третьяковской галерее, мы имеем уникальный случай рассмотреть там икону в ярком свете, в тишине музейного зала, и увидеть ее точную копию, выполненную художником-реставратором Н.А. Барановым, в храме, в том освещении, в той обстановке, для которых она предназначалась. При этом стоит помнить слова графа Ю.А. Олсуфьева, одного из создателей музея в Лавре: «Трепетно, как к чудесному, как к стоящему вне нашей обыденной повседневной жизни, следует подходить к древней русской иконописи. Только при таком отношении, вы сможете к ней приблизиться, только с таким благоговейным чувством вы сможете услышать ее вещий голос...».

Высший уровень русской иконописи был достигнут в XV веке. «Именно этому золотому веку искусства было суждено запечатлеть духовную сущность Сергия» (Ю.А. Олсуфьев).

Андрей Рублев участвовал и в первоначальной росписи стен собора. Стены были покрыты фресками, то есть живописью по сырой штукатурке. Но в 1635 году, когда монастырь восстанавливался после Смутного времени, и шли большие строительные работы, сочли, что роспись стен Троицкого собора обветшала. Большую часть фресок сбили и написали новые. Потом еще несколько раз на протяжении XVIII–XIX веков живопись возобновляли, с каждым разом все реже вспоминая о старых достижениях. А в начале XX века стены расписали масляными красками. Эта живопись не представляла никакой художественной ценности. Знаменитый искусствовед И.Э. Грабарь предполагал, что могли

сохраниться фрагменты фресок XV века. И в 1949–1952 годах на средства Патриархии были проведены реставрационные работы. Они осуществлялись под наблюдением комиссии, в которую входили известные ученые, под председательством И.Э. Грабаря. Непосредственным руководителем был назначен П.И. Нерадовский, художник и искусствовед, много лет проработавший в Русском музее. Исполнителями стали 40 художников-реставраторов. Со стороны Патриархии повседневное наблюдение за ходом работ осуществлял реставратор П. А. Голубцов (впоследствии архиепископ Новгородский и Старорусский Сергей). Были сняты верхние слои живописи и укреплена штукатурка.

В процессе работы выяснилось, что фрески Андрея Рублева не сохранились. Самой древней оказалась живопись 1635 года, да и она уцелела лишь частично. Комиссия приняла решение дополнить эти фрагменты. Выработали методику осуществления доделок. Находили аналоги композиций, которые решено было дописывать. На картоне художники выполнили композиции в цвете. Все картоны принимала комиссия. Затем на новом грунте делали роспись, ее снова обсуждала и утверждала комиссия. При необходимости художник-реставратор вносил исправления. В результате стенопись производит целостное впечатление, а в сочетании с рублевским иконостасом воссоздает замечательный древний интерьер собора.

Находящиеся сейчас в соборе Царские врата – вклад царя Михаила Федоровича (1643 год).

Иконы и драгоценные произведения церковного искусства – шитье, предметы из золота и серебра, дерева и перламутра, в том числе и те, которые ранее находились в Троицком соборе: первые Царские врата собора XV века, иконы «Явление Богородицы преподобному Сергию» и «Сергий в житии» XVI века, шитый покров на гроб Преподобного XV века, золотой оклад с иконы «Троица» Андрея Рублева XVI–XVIII веков и многое другое можно увидеть в Ризнице Лавры. Ныне это филиал Сергиево-Посадского историко-художественного музея-заповедника, генеральным директором которого является наместник Троице-Сергиевой лавры архиепископ Феогност.

Мощи Преподобного покоятся у западной стены собора в серебряной гробнице – раке, изготовленной в царствование Ивана Грозного. Переложение мощей в раку совершилось уже при царе Федоре Иоанновиче в 1585 году. А на деревянной доске гроба Преподобного была написана келарем монастыря Евстафием Головкиным икона «Явление Богоматери преподобному Сергию». Эту икону брали в военные походы цари Алексей Михайлович и Петр I. Над ракой с мощами в XVIII веке, в царствование Анны Иоанновны, была установлена серебряная сень.

В апреле 1919 года мощи вскрыли. В 1930-е годы они стали музейным экспонатом. В 1941 году рака с мощами была увезена в эвакуацию вместе с другими ценнейшими экспонатами музея. А в ноябре 1944-го вернулась в Лавру. 20 апреля 1946 года мощи Преподобного в раке были переданы Лавре и находились первое время в Успенском соборе. А в 1948 году, после того как Троицкий собор был передан Лавре, возвратились на свое место в Троицком соборе, где до этого они и находились более пяти столетий.

Путешественник XVII века Павел Алеппский писал, что церковь Святой Троицы «так прекрасна», что «не хочется уходить из нее». И сейчас в этом храме хочется стоять еще и еще, вглядываясь в древний иконостас, в мерцание серебра при свете свечей и лампад, слушая пение акафиста Преподобному.

Выйдя из Троицкого собора, стоит найти на Соборной площади, неподалеку от обелиска место, откуда еще раз можно посмотреть на собор. И монументальный, полный внутренней энергии образ этого храма, будто высеченного из единого камня, запечатлется в памяти.

ТРАПЕЗНАЯ, КОЛОКОЛЬНЯ, УСПЕНСКИЙ СОБОР И ДРУГИЕ ХРАМЫ И ПАМЯТНИКИ ЛАВРЫ

В Лавре, кроме Троицкого собора, еще немало храмов разных зданий и памятников. На Соборной площади обращает на себя внимание **обелиск**, поставленный в конце XVIII века. Он сделан из серого песчаника. На

четырёх его гранях укреплены овалы с текстами, написанными митрополитом Платоном, который был наместником Лавры в 1763–1812 годах. Они повествуют о тех ратных и государственных подвигах, в которых монастырь принимал непосредственное участие. Это поддержка преподобным Сергием борьбы князя Дмитрия Донского в борьбе с татаро-монголами; героическая оборона монастыря в Смутное время; участие в организации ополчения и заключении мира, положившего конец смуте; двукратном спасении Петра I, когда была угроза его жизни. На трёх сторонах обелиска установлены солнечные часы.

Отсюда, стоя неподалеку от обелиска, хорошо видна стоящая восточнее Троицкого собора **Духовская церковь** (Церковь сошествия Святого Духа на апостолов). Она поставлена на месте деревянной Троицкой церкви, которую переместили на несколько метров к востоку перед началом строительства каменного Троицкого собора. Через полвека ее разобрали и возвели на этом месте каменный храм.

Известно, что строили Духовскую церковь псковские мастера. В 70-е годы XV века великий Московский князь Иван III затеял каменное строительство в Кремле. Но при постройке большого Успенского собора рухнули своды. Возможно, что за время татаро-монгольского ига русские мастера разучились возводить большие сооружения. И князь приказал вызвать строителей из Италии и из Пскова – Псковская земля не пострадала от татаро-монголов, и строительство там не прекращалось.

Первыми прибыли итальянцы, и Успенский собор Московского Кремля выстроил Аристотель Фиораванти. А запоздавших псковичей пригласили в Троице-Сергиев монастырь и дали задание: построить церковь «иже под колоколы», то есть, церковь-колокольню. Вот она и стоит в нескольких метрах к востоку от Троицкого собора. Кажется, что она выше, чем Троицкий собор, но на самом деле церкви одинаковы по высоте. Стройная и лиричная, высоко перепоясанная, как в старину подпоясывались женщины – под грудь, она похожа на девушку рядом с мужественным Троицким собором. Сложена эта церковь не из белого камня, а из большемерного кирпича и побелена. И пояс у нее состоит из трех полос: двух резных, а между ними терракотовый, то есть, из обожженной

глины, в виде колонок. Обращает на себя внимание глава церкви – голубая с золотым обручем. Этот вид она приобрела только в конце XVIII века. Из-за отсутствия сведений о первоначальной форме реставраторы не тронули ее. И стоит эта церковь, как девица-краса в нарядном головном уборе.

Чтобы осмотреть другие строения на территории Лавры, можно пройти несколькими маршрутами. Всегда смотреть лучше с какого-либо возвышения. К юго-западу от Троицкого собора, находится Трапезная с открытой галереей–гульбищем. Оттуда открывается великолепный вид: слева – восточная стена Троицкого собора и рядом с ним, вплотную к его южной стене **Никоновский храм** – белая одноглавая церковь с одной абсидой, возведенный в 20-х годах XVII века. В этом храме покоятся мощи преподобного Никона, ученика преподобного Сергия, бывшего игуменом монастыря в 1398–1426 годах.

А к южной стене Троицкого собора пристроена **Серапионова палатка**. Из-за неоднократных переделок ценность ее в архитектурном отношении невелика – свой современный вид она получила в 1826 году. Но в ней покоятся мощи трех святителей.

Здесь похоронен игумен монастыря Серапион, скончавшийся в 1516 году, митрополит Иосаф, скончавшийся в 1555 году, и архимандрит Дионисий, скончавшийся в 1633 году. Дионисий был поставлен настоятелем монастыря сразу после снятия осады, в 1610 году. Он оказался перед лицом очень трудных задач. В монастыре, а также в его округе находилось большое количество больных и раненых людей, умиравших от голода и болезней. Дионисий добился использования средств монастырской казны для того, чтобы поддержать этих людей. Были построены в окрестностях монастыря дома для призрения больных и раненых. Специальные приставы собирали и привозили туда больных и нуждавшихся, давали им пищу и одежду. Монастырь оплачивал услуги людей, которые готовили для них пищу и стирали одежду, были найдены врачи. Священники причащали умирающих и совершали погребение.

В конце зимы 1611 года началось восстание против захвативших Москву польско-литовских интервентов, и Дионисий посылал свои грамоты в «смутные

города», призывая к объединению для борьбы с врагом. Когда 19 марта 1611 г. в Троице-Сергиевом монастыре узнали о восстании в Москве, то для усиления собиравшихся под Москвой войск Первого ополчения были посланы 50 монастырских слуг и 200 стрельцов. Приходившим в монастырь раненым ратникам по предложению Дионисия троицкие иноки передавали запасы ржаной и пшеничной муки и кваса, сами питались овсяным и ячменным хлебом с водой.

После окончания Смуты Дионисию было поручено исправление богослужебных книг. Это вызвало зависть его недоброжелателей. По их доносу святой был брошен в темницу. Ему было предписано ежедневно в присутствии толпы народа совершать тысячу земных поклонов. Он терпеливо сносил скорби и несправедливые поношения.

С гульбища Трапезной хорошо видна и **Колокольня** Лавры. Ее высота 88 метров. Она даже выше Ивана Великого – колокольни Московского Кремля. И видна колокольня издалека. Но рассмотреть ее лучше всего с гульбища Трапезной. Окраска колокольни характерна для стиля барокко: бирюзовая с белыми декоративными украшениями – колоннами, картушами, вазами. Эта постройка принадлежит уже Новому времени. Ее облик резко отличен от архитектуры древних храмов Лавры. Но потом глаз привыкает. И вскоре кажется, что иным вид Лавры быть не может.

Решение о постройке новой колокольни было принято в XVIII веке. Строительство шло с 1740 по 1770 год: началось при Анне Иоанновне и закончилось при Екатерине II, но стиль барокко, в котором построена колокольня, целиком относится к эпохе Елизаветы Петровны – эпохе показного богатства и расточительства. Его виднейшим представителем был архитектор Растрелли. По его проектам выстроены Зимний дворец и Смольный монастырь в Петербурге, Екатерининский дворец в Царском селе. Однако колокольню в Лавре строили в основном русские архитекторы. По первоначальному проекту петербургского архитектора И. Шумахера она должна была быть трехъярусной. Начал строительство архитектор И.Ф. Мичурин, продолжил князь Д.В. Ухтомский, а достраивали помощники князя. Монастырские власти были недовольны первоначальным проектом: им хотелось, чтобы колокольня была самой высокой в России. Ухтомский также понимал, что трехъярусная колокольня не станет высотной доминантой монастыря, и при посещении Лавры императрицей

Елизаветой представил на утверждение проект надстройки колокольни на два яруса. Этот проект и был осуществлен.

Часы на колокольне отзванивают каждые 15 минут. Звон колоколов, далеко разносясь по воздуху, зовет верующих на службу. А в большие праздники мощно ударяет и самый большой колокол. «Колокольный благовест, – писал о. Михаил Шик, – не только оповещает о времени службы, но и подготавливает христиан к ней: общепризнано то благодатное действие, которое он оказывает на душу. Для отсутствующих же на богослужении он некоторым образом и заменяет последнее. Отсюда понятны внимание и любовь, какими с древности и до сих пор окружены колокола и предназначенные для них здания – колокольни, понятно и стремление сделать колокольню высокою, чтобы благовест дальше слышался, и величественнее было здание, для такой цели предназначенное».

Для этой лаврской колокольни часть колоколов была перенесена со старой колокольни, которую разобрали. Среди них были колокола, пожертвованные царем Борисом Годуновым: «Лебедь» и «Годунов». Были отлиты и несколько новых колоколов, в том числе Царь-колокол, самый большой в России.

В 1930 году почти все колокола были сброшены с колокольни и отправлены на переплавку. Это событие описал в своих дневниках Михаил Пришвин. Но вот прошли годы, и вот опять водружены на колокольню колокола, подобные прежним: «Первенец», «Благовестник» и «Царь-колокол». И снова далеко разносится их звон с лаврской колокольни.

Чуть правее колокольни находится самое большое здание монастыря – пятиглавый **Успенский собор**. Возвели его в XVI веке. Русские люди считали Богоматерь своей Покровительницей, а Успение – главный из ее праздников. В день Ее кончины (Успения) собрались у Ее гроба все 12 Апостолов – учеников Иисуса Христа, и сам Он спустился на землю, чтобы вознести Ее душу на небо. Потому главные храмы часто посвящали празднику Успения Богоматери.

Собор торжественен, строг и как бы величественно неприступен. Это яркий образец постройки эпохи Ивана Грозного.

Успенским был и главный собор Владимира – древней столицы Руси. Стала Москва столицей, и Аристотелю Фиораванти было приказано выстроить в Московском Кремле Успенский собор по образцу собора во Владимире. А Успенский собор в Троице-Сергиевом монастыре в свою очередь возвели по образцу собора в Кремле. Поэтому он кажется более древним, чем на самом деле. Его создатели отказались от килевидной формы закомар, которую мы видим у Троицкого собора и Духовской церкви. Спокойные полукружия закомар и аркатурно-колончатый пояс Успенского собора – это память о XII веке. Троицкий собор кажется теплым, рукотворным, а Успенский выстроен строго и точно, как по линейке.

Можно пройти по гульбищу вдоль стены Трапезной. Слева будет видна белая стена могучего Успенского собора со спокойными полукруглыми закомарами, справа, совсем рядом, – стена **Трапезной**, расписанная «в шахмат» разными красками, похожая на ковер. Белокаменные витые колонки, оплетенные резными виноградными лозами, обрамляют большие окна. Над окнами – криволинейные фронтоны. Трапезная построена в конце XVII века. В то время на Руси впервые стали широко использовать оконное стекло. И, конечно, архитектор сделал не только окна, так отличающиеся от щелевидных окон более раннего времени, но еще и постарался выделить их. К восточной стене Трапезной примыкает одноглавая церковь преподобного Сергия.

В конце XVII века изменилось само представление о храме: храм – дом Божий, монастырь – сад Божий. И храм украшают именно как дом. Виноградные лозы должны вызывать мысль о райском саде – виноградная лоза символизирует «древо райское». И в то время начали разводить в монастырских садах цветы.

Стиль, в котором построена Трапезная, называют московским или «нарышкинским» барокко. Нарышкины – богатые бояре, родственники Петра I, на деньги которых было построено много церквей. А строителем Трапезной был зодчий Осип Старцев.

Слово «барокко» переводят с итальянского как причудливость, вычурность, иногда этот термин связывают с португальским словом, обозначающим раковину неправильной формы. Обычно здания стиля барокко имеют криволинейные декоративные детали. В стиле «нарышкинского» барокко выстроены в монастыре Трапезная с церковью преподобного Сергия, царские Чертоги, Надвратная церковь Иоанна Предтечи, Надкладезная часовня.

Во время службы в **церкви преподобного Сергия** можно увидеть интерьер Трапезной, поражающий простором. Огромный зал не имеет столбов, он полон света и воздуха. А церковь, находящаяся в восточной части здания, отделена от Трапезной трехпролетной аркадой.

Иконостас церкви Преподобного Сергия не сохранился. В конце 1940-х годов, при восстановлении богослужения, был установлен замечательный сквозной резной золоченый иконостас из московской церкви Николы – Большой крест, которая была разрушена в 1930-е годы.

Пройдя дальше по гульбищу, можно рассмотреть и **Надвратную церковь Иоанна Предтечи**, через арку которой проходят в Лавру. Церковь во многом похожа на Трапезную. Недавно реставраторами ей возвращена пестрая окраска «в шахмат». Под карнизом церкви проходит пояс больших скульптурных раковин. Подобные раковины есть и в убранстве Архангельского собора Московского Кремля, построенного итальянцем Алевизом Новым в начале XVI века. Окна церкви восьмигранные. Венчают ее пять мелких граненых главок, сияющих позолотой.

Спустившись с гульбища, стоит окинуть взглядом здание Трапезной. Прямоугольная в плане, с двускатной крышей, она производит впечатление необыкновенно богатого и пышного строения. И на ней такой же ряд больших раковин, что и на стенах Надвратной церкви.

У северной стены Трапезной приютилась маленькая **Михеевская церковь**. Фасады ее покрыты живописным орнаментом, а кровля устроена в виде двухъярусного колпака. Такую форму она получила в середине XVIII века, после того как деревянная крыша сгорела при пожаре.

Рядом с Трапезной, в юго-восточном углу монастыря расположено двухэтажное здание **Митрополичьих покоев**. С XVIII века оно было приспособлено для пребывания церковных иерархов на время их приездов в Лавру. Его неоднократно перестраивали. Нынешний облик оно получило в XVIII веке, благодаря чему имеет некоторое сходство с архитектурой колокольни. Портик с колоннами на северном фасаде поддерживает балкон с кованой решеткой. Здание украшено лепниной. В картуше фронтона видны переплетенные буквы «PL», инициалы митрополита Платона Левшина, при котором покои были перестроены.

Дальше можно вернуться на Соборную площадь Лавры. Пройдя немного за обелиск, к северо-западу, вы увидите **Больничные палаты** с замечательной по красоте **церковью во имя преподобных Зосимы и Савватия Соловецких**. Смутное время прервало строительство в монастыре. Но уже в 1635–1638 годах были построены палаты, которые предназначались для старых, немощных монахов. Здание каменных двухэтажных палат, как бы разорванных церковью на два крыла, слегка несимметрично, что придает ему какую-то особую теплоту. Церковь была построена для этих же монахов. Она совсем не похожа на другие храмы монастыря. Это церковь шатрового типа.

Первый такой храм появился в 1532 году в селе Коломенском, загородной резиденции московских князей. Та Вознесенская церковь возведена была по указанию Василия III в честь рождения сына, будущего царя Ивана Грозного. Установлено, что строил ее итальянец Петрок Малый. На нашем Севере, в Архангельской и Вологодской областях, сохранились деревянные шатровые церкви XVI–XVIII веков. Вероятно, подобные постройки существовали и ранее, но ведь деревянные строения не могут долго сохраняться. А Василий III как раз ездил с царицей в монастыри Вологодского края молиться о даровании сына. Возможно, он и заказал постройку церкви «в верх на деревянно дело», как сказано в летописи.

Есть мнение, что в середине XVII века патриарх Никон запретил возведение шатровых церквей, считая, что древней традиции эта форма не соответствует. Часть исследователей, ссылаясь на то, что такой документ не найден, не соглашается с этим. Но так или иначе, каменные шатровые храмы строили очень непродолжительный период и успели возвести немногим более десятка. Ведь на период от строительства первой каменной шатровой церкви до запрета Никона прошло чуть более ста лет, и на это время приходится годы голода, войны с поляками и восстановительных работ после Смутного времени. Еще определенные ограничения на строительство церквей подобного типа накладывало, видимо, то обстоятельство, что они мало вместительны. Ведь и церковь в Коломенском строилась для великокняжеской семьи, а не для народных масс. Так и шатровая церковь в Троице-Сергиевом монастыре предназначалась не для богомольцев, приходивших в монастырь, а для небольшого числа старых монахов. А сама форма полюбилась русским людям. И когда перестали строить шатровые церкви, было построено немало шатровых колоколен. Шатрами украшали также ворота и крыльца.

Церковь Зосимы и Савватия – один из самых прекрасных русских храмов. Русские зодчие переработали и сделали своим этот вид архитектуры. Здесь уже совсем незаметно влияния западных архитектурных форм. Вспоминаются слова художника и искусствоведа Игоря Грабаря: *«Чутье пропорций, понимание силуэта, декоративный инстинкт, изобретательность форм – словом все архитектурные добродетели – встречаются на протяжении русской истории так постоянно и повсеместно, что наводят на мысль о совершенно исключительной архитектурной одаренности русского народа».*

В самом деле, посмотрите, как четверик через ряд килевидных кокошников вырастает в восьмерик, а тот столь же естественно через пояс кокошников переходит в восьмигранный шатер, а затем в барабан, увенчанный луковичной главкой. Мы буквально физически ощущаем, как упруго, от одного объема к другому, нарастает движение вверх, к небу, к Богу. Если Успенский собор – это сила, как бы вобранная внутрь, ждущая

своего часа, то шатровая церковь олицетворяет силу, пришедшую в движение. Как птица, раскинув крылья, рвется она в небо. Украшенная гирляндами, поясками, кокошниками и изразцами – то квадратными, то круглыми, напоминающими драгоценные зеленые камни, – вся церковь – ликующая песнь победы. Ведь поставлена она в честь окончания героической обороны монастыря 1608–1610 годов.

Последующие постройки закрыли эту дивную церковь. И только благодаря работам реставраторов под руководством архитектора И.В. Трофимова она была высвобождена из каменного мешка. Трофимовым было установлено, что первоначальная окраска церкви была красной с белыми деталями. В то время цвет властно вторгается в архитектуру. Прежде всего – красный цвет. Слова «красный» и «красивый» были у наших предков синонимами. Красный редок в нашей природе, может быть, потому его так ценили. Недаром в сказке дочь просит отца привезти ей аленький цветочек. Известно, что красный предпочитают люди сильные, горячие. Да такими и были русские люди. Вспомним хотя бы красные вышивки на белых крестьянских полотенцах. Окраску в белый цвет предпочел позже уже другой реставратор В.И. Балдин. Он же настоял на том, что красные башни Лавры были выбелены. Многие считают, что из-за этого архитектурный ансамбль в значительной степени утратил свою живописность.

Рядом с церковью Зосимы и Савватия видна одна из башен монастыря – **Каличья** и небольшая **Смоленская церковь**, то есть церковь Смоленской иконы Божией Матери. Она ровесница колокольни. На ее восточной стене снаружи находится вырезанная из камня Смоленская икона Божией Матери «Одигитрия».

Еще в XV веке в монастыре были построены каменные трапезная и поварня, не дошедшие до нашего времени. Предполагается, что строил их русский зодчий Василий Ермолин, и он же был автором резаной из белого камня иконы, вделанной в стену поварни. Ее вынули из стены и поместили в новую церковь. В настоящее время подлинная резная икона находится в Сергиево-Посадском музее-заповеднике, а на стене Смоленской церкви помещена новая икона Богоматери «Одигитрия», похожая на ту, что была сделана в XV веке.

Стоя на центральной площади Лавры, нельзя не обратить внимания на то, стену длинного желтого здания. Часть стены покрыта полукружиями арочек, напоминающими гигантскую чешую. Это **Казначейский корпус келий**.

Был он выстроен в середине XVIII века, так что скрыты оказались постройки первой половины века XVII-го: Казначейские палаты, Крепостная палата и Больничные палаты с церковью Зосимы и Савватия. А лет через сто корпус надстроили еще третьим этажом. Как уже было сказано выше, трудами реставраторов под руководством архитектора И.В. Трофимова, Больничные палаты с церковью были раскрыты. Архитектор В.И. Балдин предполагал, что «однообразным фасадом этого трехэтажного здания скрыты другие древние сооружения». Прошло довольно долгое время, и вот при ремонте фасада южной части Казначейского корпуса обнаружилась эта загадочная «чешуя». Аналогов такого декорирования стены не найдено.

Теперь стоит подойти к **Успенскому собору**. Собор открыт только летом. Впечатление от этого храма особенно ощутимо, если смотреть на его северный фасад. В XVIII веке облик собора был изменен по распоряжению митрополита Платона: его центральная глава, покрыта золотом, сделаны золотые звезды на синих куполах, так что впечатление о его холодности смягчилось.

Пространство внутри собора производит сильное впечатление своим объемом, высоким пятирусным иконостасом, в котором темные, еще нерасчищенные иконы XVII века контрастируют с позолоченными резными столбиками-колонками, увитыми виноградными лозами. Производит впечатление и сохранившаяся роспись стен. Фрески, то есть роспись по сырой штукатурке, выполнена на 100 лет позже окончания строительства собора. Храм возводили в 1559–1585 годах, а расписали только летом 1684 года. Приглашены были для этой работы ярославские мастера. Пока полностью расчищены от поздних записей только фрески на столбах, где святые изображены в полный рост.

Надкладезная часовня перед входом в собор, похожая по стилю на Трапезную. Вся в гирляндах винограда и фруктов она частично

загораживает собор с западной стороны, придавая ему нарядный, даже веселый вид. В ней можно получить святую воду. А в летнее время воду набирают из фонтана под сенью, расположенного тут же на площади. Этот фонтан–крест поставлен в 1872 году.

Рядом с западным входом в Успенский собор находится каменная палатка – **гробница Годуновых**.

Царь Борис Годунов скончался в 1605 году и сначала был похоронен, по обычаю, в Архангельском соборе Кремля. Он очень старался восстановить нормальную жизнь в стране, разоренной Иваном Грозным. Но в начале XVII века вследствие стихийного бедствия три года был неурожай. Страну постиг страшный голод. С этого и началось Смутное время, когда объявился человек, выдававший себя за сына Ивана Грозного – царевича Дмитрия, погибшего ребенком при невыясненных обстоятельствах. Его поддержал польский король. Самозванец с большим войском захватил Москву. В стихотворении “Dmetreus-Imperator” Максимилиан Волошин так писал об этом времени:

В Угличе, сжимая горсть орешков
 Детской окровавленной рукой,
 Я лежал, а мать в сенях замешкав,
 Голосила, плача надо мной.
 С перерезанным наотмашь горлом
 Я лежал в могиле десять лет;
 И рука Господняя простерла
 Над Москвой полетье лютых бед.
 Голод был, какого не видали.
 Хлеб пекли из кала и мезги.
 Землю ели. Бабы продавали
 С человеческим мясом пироги...

Борис Годунов умер. Бояре изменили его сыну царевичу Федору. Убили Федора и его мать, заточили в монастырь его сестру царевну Ксению. Потом Бориса Годунова по распоряжению Лжедмитрия I перезахоронили в одном из небольших московских монастырей. А ставший через год царем Василий Шуйский распорядился торжественно перенести останки Годуновых в Троице-Сергиев монастырь, который пользовался особенно большой любовью царя Бориса. Захоронение было сделано под папертью Успенского собора. Но позже паперть разобрали, и гробница Годуновых оказалась снаружи. Над ней и

поставили палатку. Дочь Бориса Годунова Ксения, в монашестве Ольга, по ее завещанию была похоронена рядом с могилами родителей.

А с южной стороны собора в конце XIX века устроена крипта – подземная церковь. В ней похоронен Патриарх Московский и всея Руси Пимен (1910–1990).

Пройдя между Успенским собором и колокольней, вы оказываетесь перед зданием **царских Чертогов**. Возведено оно в конце XVII века. Декоративная отделка фасада сходна с Трапезной. Но для украшения Чертогов использованы еще и многоцветные изразцовые фронтоны над сдвоенными окнами. С 1814 года в этом здании находится Московская Духовная Академия. Дата обозначена над воротами в ограде академического сада.

ВОКРУГ ЛАВРЫ

Весь городок разнообразных по времени зданий Лавры охвачен могучим каменным кольцом **стен с башнями**. Те стены, которые выдержали осаду в 1608– 1610 годах, были возведены в середине XVI века. А через сто лет, в середине XVII века, их высота была увеличена вдвое. Можно, выйдя из ворот, обойти Лавру кругом. К настоящему времени сохранилось 11 башен. Рядом со Святыми воротами высится угловая **Пятницкая башня**, которую вы видели, находясь на смотровой площадке. **Красная башня**, в которой находятся Святые ворота, в середине XIX века была неудачно перестроена, и ее внешний вид не столь интересен.

Если вы пройдете вдоль стены налево, то есть к северу, то дальше увидите большой **памятник преподобному Сергию**, хорошо выделяющийся на белом фоне стены (скульптор В.А. Чухаркин, 2000 год).

Облик **Сушильной башни** с шатровой крышей восстановлен при реставрации таким, каким он был в середине XVII века. Башня прямоугольная в плане, как и все неугловые башни. Далее внимание привлечет **Утичья башня**, одна из самых необычных по форме своего

завершения. Архитектор и реставратор В.И. Балдин полагал, что верх башни повторяет верх ратуши XVII века в голландском городе Маастрихте. Нарядная Уточья башня завершается шпилем с фигуркой белокаменной утки. По преданию, Петр I, приезжая в монастырь, стрелял с этой башни уток на **Белом пруду**. В теплое время года на нем и теперь плавают лебеди и утки.

Рядом с Уточьей башней находится бывший **Конный двор** монастыря, выстроенный в конце XVIII века. В настоящее время в нем располагаются несколько отделов Сергиево-Посадского историко-художественного музея-заповедника, где можно ознакомиться с древнейшим прошлым края, с историей Лавры и с обширными коллекциями русского народного и современного декоративно-прикладного искусства.

К северу от Уточьей башни находится Мишутинский овраг, по которому протекает речка Вондюга. За оврагом в XV–XVI между монастырем и деревней Кокуево, был небольшой лес. Во время осады монастыря поляками в начале XVII века осажденные делали в него вылазки за дровами. Многие из них при этом погибали. В память о погибших после снятия осады по специальному указу царя Алексея Михайловича была поставлена деревянная церковь. В начале XIX века ее заменили каменной, выстроенной в стиле классицизма. Эта приходская церковь называется церковью Обновления Храма Воскресенья Христова, но все знают ее, как **Петропавловскую** по наименованию придела во имя апостолов Петра и Павла.

Овраг надо будет обойти по шоссе. Будет хорошо видна **Звонковая башня**, близкая по архитектуре к Сушильной. Внимание привлечет **Каличья башня**. Она поздней постройки – возвели ее в конце XVIII века, когда монастырь уже не имел оборонительного назначения. Башня очень стройная, по своим архитектурным особенностям слегка напоминает колокольню, а ее шатер покрыт зеленой поливной черепицей.

Очень выразительны угловые **Плотничья** и **Водяная башни**, сооруженные в середине XVII века. Они похожи друг на друга, и обе сохранили сферические кровли с фонариками, сделанные в начале XIX века.

Келарская и **Пивная башни** на западной стене и **Луковая** на южной также возведены в середине XVII века и перестраивались позднее.

С западной стороны Лавры находится большое краснокирпичное здание бывшей лаврской больницы с церковью Иоанна Лествичника, выстроенное в самом конце XIX века. А справа высится приходская посадская **Ильинская церковь** с колокольней.

После снятия блокады монастыря в XVII веке к западу от обители возникли Стрелецкая и Пушкарская слободы, где жили воины. Тогда была построена деревянная церковь во имя Казанской иконы Богоматери с приделом пророка Ильи. Еще в 1950-х годах здесь стояла высокая деревянная Казанская церковь ярусного типа, поставленная в середине XVII века на месте более ранней, погибшей при пожаре. Ее разобрали в 1958 г.

Каменный Ильинский храм был возведен в конце 1760-х годов. По своей архитектуре эта церковь принадлежит к стилю развитого барокко. Храм отличается изящными пропорциями, рисунком беленых порталов и оконных наличников, который контрастно выделяется на фоне темно-красных стен. Ильинская церковь, единственная в городе, которая никогда не закрывалась.

С южной стороны Лавры располагается **Пафнутьев сад**. Он огражден низкой кирпичной оградой с башенками, выстроенной в конце XIX века.

Раньше, в XVIII столетии, помимо неперменных яблонь и красной смородины, в саду были и другие культуры, необходимые для братской трапезы и больницы. В садовой оранжерее выращивали землянику, виноградную лозу, множество разнообразных цветов, а также персики, сливы, абрикосы лимоны. Во второй половине XIX в. сад превратили в тенистый парк, а цветники и грядки оставили лишь перед Луковой башней, рядом с оранжереей. Позже здесь находился Парк культуры и отдыха с различными аттракционами. В настоящее время сад возвращен Лавре.

О происхождении названия имеются две версии. Первая основана на предании, согласно которому название саду дал Петр I в честь стрелецкого головы Пафнутия Сагалаева. Во время стрелецкого бунта 1689 г. стрелец прибыл в Троицу и известил царя о «злодейском умысле» на его жизнь. Выслушав

верного слугу в монастырском саду, царь сказал ему: «Пусть же на память верной твоей службы и заслуги сей сад именуется отныне Пафнутьевым». Согласно второй версии, сад назван знаменитым митрополитом Платоном (Левшиным) по имени трудолюбивого садовника монаха Пафнутия.

Слева от Пафнутьева сада – большой пруд, называемый **Келарским**. Он устроен в середине XVI века при келаре Андрее Ангелове. В последнее время территорию вокруг него благоустроили. Летом на пруду можно видеть лебедей и уток.

В 2014 году на берегу пруда поставили **памятник Петру и Февронии** (скульптор Константин Чернявский). Эти святые жили в XIII веке, они славятся как покровители семьи.

На высоком противоположном берегу пруда стоит краснокирпичное здание, где теперь располагается **Художественно-педагогический музей игрушки**.

Основателем музея был искусствовед Н.Д. Бартрам (1873–1931), начавший собирать коллекцию игрушек в начале 1900-х годов. Музей игрушки был открыт для посетителей в Москве в 1921 году, а в 1931-м переведен в Сергиев Посад (Загорск). Ведь порой этот город называют столицей игрушечного царства. Развитие здесь игрушечного промысла связано с тем, что богомольцы, приходившие в Лавру, обычно оставляли детей дома, а, возвращаясь домой, старались порадовать их купленной в Сергиевом Посаде игрушкой. С появлением железной дороги сергиевскую и богородскую игрушку, названную так по селу в окрестностях города, стали развозить по всей России.

В Музее игрушки широко представлена местная игрушка из дерева и папье-маше, и русская народная игрушка других местностей, а также русская и западноевропейская игрушка XIX – начала XX века и игрушка стран Востока.

При обходе Лавры вы пройдете мимо красного кирпичного здания – бывшего странноприимного дома Лавры. Там паломники-мужчины раньше могли бесплатно останавливаться на три дня. Дом был построен к 500-летнему юбилею преподобного Сергия (1892 г.). Пройдя мимо церкви Пятницкого монастыря, о которых говорилось в начале, и могучей

Пятницкой башни, вы окажетесь у Святых ворот Лавры, через которые входили на территорию монастыря.

Памятные вещи о посещении обители преподобного Сергия можно приобрести и на территории Лавры, и на Красной площади. А книги – в Книжной лавке, которая находится сразу при входе в Лавру, или в Водяной башне, в юго-западном углу крепости. Там же, в башне, мы можно приобрести иконы и разнообразные предметы на память.

Троице-Сергиева Лавра – святое место для каждого русского человека. Здесь сама многовековая история нашей Родины. Сюда стоит приехать не один раз, чтобы проникнуться атмосферой Лавры. Как справедливы слова о Павла Флоренского:

«При туристском обходе Лавры беглому взору впервые разворачивается не подавляющее количественно, но действительно изысканное богатство художественных впечатлений от нее. Есть однако и гораздо более тонкое очарование Лавры, которое охватывает изо дня в день, при вживании в этот замкнутый мир. И это очарование, теплое, как смутная память детства, уродняет душу Лавре, так что все другие места делаются отныне чужбиной, а это – истинною родиной, которая зовет к себе своих сынов, лишь только они оказываются где-нибудь на стороне. Да, самые богатые впечатления на стороне скоро делаются тоскливыми и пустыми, когда потянет в Дом преподобного Сергия. Неотразимость этого очарования в его глубокой органичности. Тут не только эстетика, но и чувство истории, и ощущение народной души, и восприятие в целом русской государственности, и какая-то трудно объяснимая, но непреклонная мысль: здесь в Лавре именно слагается то, что в высшем смысле должно называться общественным мнением».

СВЯТЫЕ ОКРЕСТНОСТИ ЛАВРЫ

В ближайших окрестностях Лавры есть несколько святых мест – скитов и монастырей. В них стоит побывать.

Большинство богомольцев, шедших к Троице, заходили сначала в **Покровский монастырь в Хотькове**, один из старейших русских монастырей, чтобы поклониться мощам Кирилла и Марии, родителей Преподобного. И сейчас немалое число верующих посещает эту обитель.

На старой карте окрестностей Троице-Сергиевой лавры можно увидеть названия Вифания и Гефсимания, Такие же, как на карте окрестностей Иерусалима. В Новом Завете сказано, что в селение Вифанию пришел Иисус Христос, узнав о смерти своего друга Лазаря, и воскресил его. А в Гефсиманском саду Он молился Отцу Своему, просил избавить от мучительной смерти. Сходство в расположении Вифанского монастыря и Гефсиманского скита относительно Лавры с расположением Вифании и Гефсимании относительно Иерусалима создавало символическую связь между Лаврой и Иерусалимом.

Гефсиманский скит имел строгий устав – женщины туда не допускались. А вот в пещерное отделение этого скита, получившее название Черниговского, так же, как и в Вифанский монастырь стекались многие богомольцы

До Вифании доехать можно на общественном транспорте от автовокзала или от остановки «Улица Карла Маркса» на автобусах и маршрутных такси №№ 30, 36 и др. Улица Карла Маркса, быв. Александровская, начинается против Лавры и идет перпендикулярно центральному проспекту города (проспекту Красной Армии). Спрашивать надо остановку «Птицегорад».

Спасо-Вифанский монастырь

К юго-востоку от Лавры в 1783 году митрополит Платон (Левшиным; 1737–1812), наместник Троице-Сергиевой лавры основал **Спасо-Вифанский монастырь**. Место для монастыря было выбрано на речке Кончуре, среди

лугов. Первоначально монастырь был задуман как кладбищенское отделение Лавры – на его территории погребали скончавшихся лаврских монахов.

В плане монастырь представлял удлинённый прямоугольник с башнями по углам, воротами посередине коротких сторон, с домом хозяина, гостинными покоем, с церковью, помещённой в центре, прудом и регулярным французским садом. Он являлся точным отражением выработанных архитектором Доменико Трезини и утверждённых Петром I планов загородных домов начала XVIII века. Это не удивительно, если учесть, что Платон долгое время прожил в Петербурге, при царском дворе. Ведь когда императрица Екатерина II приезжала в Лавру на богомолье, он своей проповедью произвел на нее такое впечатление, что она назначила его законоучителем к своему сыну, будущему императору Павлу I. И Платону пришлось на несколько лет покинуть Лавру. В столице он проникся эстетическими вкусами эпохи, что отразилось в убранстве собственных покоев митрополита. Ко времени строительства Вифанского монастыря он был уже болен, стремился к тишине. И большую часть времени проводил не в Лавре, а в Вифании, в своем двухэтажном доме, где долгое время и после его смерти сохранялась вся обстановка.

Необычна была церковь Вифанского монастыря, выстроенная в 1780-х годах. Овальная в плане, с галереей вдоль стен, она имела два придела: верхний во имя Преображения Господня и нижний во имя воскресения Лазаря. Преображение – час высшей славы Иисуса Христа в Его земной жизни. В Евангелии сказано, что Он взшел на гору Фавор с тремя своими учениками. Одежды Его сделались белыми, как снег, как на земле белильщик не может выбелить. И тут раздался голос с неба: «Сей есть Сын Мой возлюбленный. Его слушайте».

По распоряжению митрополита Платона в верхнем приделе церкви был устроен не обычный иконостас, а искусственная гора Фавор, украшенная мхом, цветами, кустарниками и даже фигурками зверьков (мастер Конон

Песков). Это сооружение должно было напоминать гору Фавор, на вершине которой произошло Преображение Христово.

В Лавре и в Вифанском монастыре побывал в 1797 году после коронации император Павел. Они снова встретились: учитель и ученик. В память об этом посещении митрополит Платон установил обелиск. Павлу Вифания так понравилась, что он распорядился открыть там духовную семинарию. Двухэтажное с четырьмя башнями здание семинарии было выстроено в виде буквы «П». Торжественное открытие состоялось в 1800 году, в праздник Преображения Господня. Желających учиться в Вифанской семинарии, где преподавание было поставлено превосходно, становилось все больше. Ее расширили, и построили в 1826–1830 годах величественное здание в стиле позднего классицизма.

Появились новые строения и в монастыре. Богомольцы, приходившие в Лавру, посещали обычно и Вифанию. Число их росло. И во второй половине XIX века здесь возвели новый большой храм во имя Тихвинской иконы Божией Матери, который напоминал Успенский собор Троице-Сергиевой лавры. Этот монументальный пятиглавый храм, шатровая колокольня, ограда с башенками создали новый облик монастыря, стоявшего в прекрасной местности, рядом с обширным прудом.

В 1930-х годах постройки Спасо-Вифанского монастыря были разрушены. Большая часть вещей из покоев митрополита Платона теперь находятся в Сергиево-Посадском музее-заповеднике. Имя этой местности было забыто: микрорайон стали называть Птицеградом, так как в нем расположился НИИПтицеводства. Но в последнее время проводятся восстановительные работы: уже возведена колокольня, закончена постройка Преображенской церкви. Есть надежда, что будет восстановлено и здание семинарии. Несколько лет назад улице, ведущей в этот микрорайон Сергиева Посада, возвращено название Вифанская (быв. Комсомольская).

А в ноябре 2012 года к 200-летию со времени кончины митрополита Платона у врат обители установлена его бронзовая фигура (скульптор Александр Шомов).

Черниговский скит

К востоку от Лавры, километрах в трех, раньше находился **Гефсиманский скит**. Основан был скит в начале 1840-х годов наместником Лавры Антонием (Медведевым) при участии митрополита московского Филарета (Дроздова) и предназначался для иноков, стремившихся к аскетической жизни, к уединению и тишине. Все в скиту напоминало обитель преподобного Сергия при его жизни. Из села Пососенья перевезли Успенскую церковь XVII века, рубленную из сосновых бревен. Потом построили деревянную колокольню и братские корпуса. В скиту не было вещей из золота и серебра. Церковная утварь была в основном деревянная. Богослужения отличались замечательной красотой. Монахи все время, свободное от молитв и сна, посвящали трудам. Монастырское хозяйство было образцовым. Женщины в монастырь не допускались, так что богомольцев в нем бывало немного. Женщинам разрешили приходить в скит, только когда после революции прекратились богослужения в Лавре. В конце 1928 года скит закрыли. Его постройки не сохранились, кроме части стены. Микрорайон Сергиева Посада, где находился скит, носит имя «Ферма», в память о монашеской артели, созданной монахами после революции.

В «Ризнице» – филиале Сергиево-Посадского музея-заповедника экспонируются поступившие из Гефсимании резные изделия из перламутра и дерева.

В середине XIX века возникло пещерное отделение Гефсиманского скита, больше известное под названием **Черниговского скита**. Теперь его часто называют Гефсиманско-Черниговским. Всякий скит создается как место тихое, уединенное. Но у Черниговского скита была другая судьба.

Некоторым монахам Гефсиманского скита хотелось еще большего уединения, и они стали строить кельи на отшибе. А юродивый Филиппушка (ум. в 1868), принялся копать пещеры. Потом Лавра прислала ему в помощь рабочих. В большой пещере был устроен подземный храм, освященный в 1851 году. От него шли сводчатые коридоры с малыми пещерами. А наверху поставили деревянную надпещерную церковь.

В скит в 1852 году была пожертвована Черниговская икона Божьей Матери, вскоре прославившаяся как чудотворная. Богомольцы со всей России стремились поклониться иконе и побывать в скиту у старца Варнавы, народного духовника. Тысячи людей искали у него благословления, совета в делах, утешения в скорбях. Всех он принимал с улыбкой и любовью.

И скоро Черниговский скит стал таким же притягательным для богомольцев, как и Лавра. Деревянный храм обветшал и стал тесен. Было решено построить новый храм – каменный **во имя Черниговской иконы Божией Матери**. И поставить так, чтобы не повредить нижнюю, пещерную церковь. Лавра пригласила для этой работы известного архитектора и инженера Николая Владимировича Султанова (1850–1908). Он был поклонником того варианта «русского» стиля в архитектуре, который возник в царствование Александра III. Считал, что «...московский русский стиль достиг своего наибольшего, хотя и далеко не полного развития в XVII веке; и представляет нам образцы самостоятельного русского искусства». Архитектор справился с трудной задачей: возвел пятиглавый храм, подобный краснокирпичным ярославским церквям второй половины XVII века. После этого ему пришлось переключиться на создание памятника Александру II в Кремле. Так что стройную пятиярусную колокольню с шатровым верхом и ограду строил уже другой архитектор – лаврский архитектор А.А. Латков. Но можно с большой уверенностью предположить, что эту работу он выполнил, имея проект Султанова. Иначе не получилось бы такого замечательного целостного ансамбля. Великолепен был и интерьер храма. Его четырехъярусный иконостас из позолоченной меди, с чеканкой и

разноцветными эмалями был копией иконостаса церкви Иоанна Предтечи в Ярославле.

Освящение главного престола храма состоялось в 1893 году.

В 1921 году Черниговский скит закрыли. В нем была устроена колония для инвалидов труда, больше похожих на уголовников. Чудотворную Черниговскую икону Божией Матери увезли, и она пропала. Сбросили с колокольни колокола. Но прочные строения скита устояли. В 1990 году их возвратили Лавре, и монашеская жизнь возобновилась. В настоящее время реставрационные работы завершены. Особенно поражает интерьер храма – необыкновенно светлый и радостный. Он производит впечатление райского сада. Да и вся территория скита заставляет вспомнить слова святого Иоанна Кронштадского: «Цветы – остатки Рая на земле».

На территории скита погребены известные философы К.Н Леонтьев и В.В. Розанов. Их могилы находятся с северной стороны храма, отмечены деревянными крестами.

Посетить Черниговский скит можно, доехав до него на автобусе или маршрутке № 38 и некоторых других от автовокзала Сергиева Посада, или от остановки «Улица Карла Маркса», которая находится недалеко от Лавры.

Киновия

В середине XIX века к западу от Черниговского скита, на высоком берегу пруда, возникла Боголюбивая пустынь, которую чаще называли Киновией. По-гречески это значит – маленький монастырь. Одноглавую двухъярусную **церковь во имя Боголюбской иконы Божией Матери** и колокольню построили в начале 1860-х годов. Киновия была уединенным местом. Богомольцы редко в нее заходили. Здесь хоронили монахов Лавры. В 1920-х годах Киновию закрыли. В ней была устроена швейная фабрика.

От Черниговского скита в Киновию можно пройти пешком.

Пустынь Святого Параклита

Километрах в шести от Лавры находится пустынь **Святого Духа-Утешителя или Святого Параклита**. По-гречески слово Параклит значит Святой Дух-Утешитель. Основана пустынь была архимандритом Антонием (Медведевым) в 1858 году для старцев-монахов, которые хотели жить в безмолвии. В удаленном месте в лесу монахи поставили отдельные деревянные келии, через некоторое время построили часовню, но собирались в ней только в воскресные дни и двенадцатые праздники. А для причастия им приходилось ходить в Гефсиманский скит в любую погоду, часто по колено в снегу или грязи. Московский купец Иван Кириллович Королев, узнав об этом, просил разрешения построить в Параклите церковь. Старцы, их было в то время всего семеро, согласились. Постройка каменной одноглавой церкви была закончена в 1861 году. Верхний храм освящен во имя Святого Духа, нижний – во имя Иоанна Крестителя. В конце XIX века была выстроена колокольня, и монастырь обнесен кирпичной стеной. Устав был строгий. Женщины в скит войти не могли.

«Там, в Параклите, монахи воспитываются вместе с птицами», – это слова лаврского монаха о. Диомида, записанные графом Ю.А. Олсуфьевым. Пенье немолчного птичьего хора слышно в этой пустыньке из соседнего леса. А еще на всех деревьях, растущих вокруг храма, висят большие скворечники.

Параклит закрыли в 1927 году. До этого некоторое время он еще существовал как сельскохозяйственная артель. В церкви сделали клуб. Ограду сломали. Но в 1992 году храм был возвращен Церкви. Сейчас в Параклите находится общежительный монастырь. Вход свободный.

Проехать можно автобусом № 38 от автовокзала Сергиева Посада до конечной остановки «Смена». Далее около полутора км пешком.

ПАРК «СКИТСКИЕ ПРУДЫ»

Рядом с Черниговским скитом и Вифанским монастырем находятся большие пруды, созданные монахами еще лет 250 назад. В них разводили рыбу. В этой местности, примерно в 2,5 км от центра Сергиева Посада недавно был оборудован природный парк «Скитские пруды», предназначенный, в частности и для семейного отдыха с детьми.

До парка можно доехать автобусами и маршрутными такси от автовокзала или остановки «Улица Карла Маркса» близ Лавры (№№ автобусов 7, 30, 36, 37; маршрутных такси 15, 16, 18, 25, 34, 54, 62, 64, 74, 80).

В 2015 году в парке установлен бронзовый памятник Михаилу Пришвину работы замечательного скульптора Юрия Хмелевского. Писатель представлен сидящим на пеньке, с карандашом и блокнотом, а рядом его охотничья собака легавой породы. М.М. Пришвин жил Сергиевом Посаде (Загорске) в 1926–1937 годах в собственном доме (Вифанская, 81). Направляясь в парк, вы проедете мимо этого дома с мемориальной доской. Он будет с левой стороны.

СЕЛО БЛАГОВЕЩЕНИЕ

К северо-западу от Лавры, примерно в трех км находится древнее село с деревянной **Благовещенской церковью**. Предполагают, что первый храм там был построен еще при преподобном Сергии Радонежском, он, конечно, не мог дойти до наших дней. Но церковь, построенная в середине XVII века, погибла только в 1970-х годах. То была церковь клетского типа, сложенная из массивных стесанных изнутри бревен. Реставраторы сделали обмеры, составили описание, сфотографировали ее и даже сделали макет, а денег на реставрацию тогда не хватило. Но впоследствии эти работы позволили на

старом фундаменте воссоздать Благовещенскую церковь. Она освящена в 2007 году.

Облик храма, как будто дышащий древностью, пруды, цветник возле церкви и какая-то особая тишина – все это оставляет неизгладимое впечатление. А с холма, на котором стоит село Благовещенье, открывается вид на Троице-Сергиеву лавру.

В 1910 году в Благовещенской церкви начал свое священническое служение о. Павел Флоренский.

Доехать можно на автобусе № 10 от остановки на улице 1-й Ударной Армии (к северу от Лавры) до кладбища и пройти 1,5 км пешком до села Благовещенье.

СЕМХОЗ

Платформа Семхоз Ярославской железной дороги – последняя перед станцией Сергиев Посад. А сам поселок с таким названием теперь находится в черте города. Раньше село имело название Никольское-Поддубное. В 1920-х годах в этой местности был организован декоративный лесопитомник и семеноводческое хозяйство, задачей которого было выращивание саженцев, которые высаживали вдоль железной дороги. Отсюда и это странное название. Но теперь оно, прежде всего, вызывает в памяти имя протоиерея Александра Меня (1935–1990). Он жил в Семхозе с 1964 года и был убит ранним утром 9 сентября 1990 года, когда шел к электричке, направляясь на службу в храм Новой Деревни (недалеко от станции Пушкино).

Убийцы так и не были найдены. На месте, где пролилась кровь о. Александра Меня поставлен деревянный поклонный крест. Рядом сооружена часовня в честь **Усекновения главы Иоанна Предтечи** (1995 год, архитектор В.Д. Журавлев), а позже – **церковь во имя преподобного Сергия Радонежского** (2002 год, архитектор Ю.В. Серегин). Интерьер

Сергиевского храма очень необычен. Каменная алтарная преграда сделана в 2004–2005 годах по проекту архимандрита Зинона. Она низкая, сложена из камней и не оштукатурена. Автору не нравятся золоченые иконостасы, где, по его мнению, теряются иконы. Потому он написал иконы в технике фрески, то есть на сырой штукатурке.

«Тропой Александра Меня» можно пройти к дому, где он жил.

Рядом с церковным комплексом находится Культурно-просветительский центр «Дубрава» имени о. Александра Меня. В нем открыта постоянная выставка «Отец Александр Мень: Путь человека», посвященная его жизни, служению и творчеству».

Проще всего добраться до церковного комплекса памяти о. Александра Меня и Культурного центра «Дубрава» на электричке. Если ехать с Ярославского вокзала, то надо будет выйти на платформе Семхоз, подняться по склону направо и пройти немного пешком.

ПОД ПОКРОВОМ ПРЕПОДОБНОГО

В Сергиевом Посаде в начале XX века жило немало выдающихся людей. Можно пройти от Лавры пешком к дому выдающегося мыслителя, священника Павла Флоренского.

Надо будет пересечь центральный проспект города, который носит название проспекта Красной Армии. Раньше та его часть, которая идет от Лавры на юг, называлась Московской улицей, а та, что на север – Переславской. И по перпендикулярной проспекту улице Карла Маркса, ранее называвшейся Александровской, (по имени Александро-Мариинского дома призрения, находившегося на ней) пройти два квартала.

Ваше внимание привлечет памятный знак пострадавшим за веру в Христа в годы гонений. Он установлен в декабре 2012 года. Это 7-

миметровый крест с терновым венцом в центре, поставленный на гранитном постаменте (автор проекта Мария Тихонова). В ночное время включается подсветка гигантского креста. Место установки этого знака, связано с тем, что в нескольких шагах от него находится одноэтажный деревянный дом, принадлежавший о. Павлу Флоренскому. К нему можно пройти от памятного знака направо по Пионерской улице (бывшей Дворянской).

Павел Александрович Флоренский приехал в Сергиев Посад в 1904 году после окончания Московского университета, чтобы поступить в Московскую духовную академию. Нужда в собственном доме возникла вскоре после того, как о. Павел женился и родился его первенец – сын Василий. Тогда он и купил этот дом.

Первая памятная доска на доме была установлена летом 1990 года (справа от входа). А в 2015-м была открыта еще одна доска с надписью: «В этом доме жил в 1915–1933 годах русский ученый и мыслитель священник Павел Флоренский. 1882–1937». Под надписью изображен рыцарь, опустивший щит. Грудь рыцаря пронзает стрела. Подобное изображение был сделано на экслибрисе о. Павла Флоренского художником В.А. Фаворским еще в 1922 году. Он как будто провидел мученический путь о. Павла как воина Христова.

Окончив Академию, П.В. Флоренский остался в ней на кафедре философии доцентом, потом стал профессором. А осенью 1918 года, когда была создана Комиссия по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры, был принят в качестве ее члена. Он занимался работой по описанию икон и других историко-художественных ценностей, проблемами древнерусского искусства, написал несколько статей на эту тему, ратовал за создание в Лавре «живого» музея.

С 1921 года П.А. Флоренский начал работать в Москве, в лаборатории Электротехнического института. Он был разносторонним ученым. А образование, полученное на физико-математическом факультете Московского университета, позволило ему успешно трудиться и в области электротехники.

В мае 1928 года в Сергиевом Посаде прошли массовые аресты, и было сфабриковано дело «Антисоветской группы черносотенных элементов в городе Сергиево Московской области». В числе арестованных 80 человек был и П.А. Флоренский. Он получил по приговору «минус 6», то есть запрещение проживать в шести крупных городах, включая Москву и Московскую область. Но вскоре его дело пересмотрели, и он вернулся на прежнюю работу в Электротехническом институте и в редакции Технической энциклопедии.

Следующий арест произошел в 1933 году. П.А. Флоренского объявили участником «Контрреволюционной националистической фашистской организации “Партия возрождения России”» и приговорили к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. Он попал в Сибирь, в БАМлаг. Работал на Мерзлотной станции. Но вскоре его неожиданно перевели в Соловецкий лагерь. Там он занимался на заводе получением йода и ара-агара (сырья для кондитерской промышленности) из морских водорослей.

В 1937 году переписка с ним оборвалась. Жена, оставшаяся в Сергиевом Посаде с шестью детьми, долгие годы ничего не знала о его судьбе.

П.А. Флоренский был отправлен с Соловков в Ленинградскую область. Его расстреляли 8 декабря 1937 года.

Рядом с домом о. Павла Флоренского в отдельном здании сейчас создается его музей.

Вернувшись к памятному знаку, можно, перейдя Вифанскую улицу, по пешеходной дорожке выйти на Валовую – к Центральной районной библиотеке имени В.В. Розанова. Имя этого философа и публициста присвоено библиотеке неслучайно. В.В. Розанов (1856–1919) последние годы жил в Сергиевом Посаде. Похоронен на кладбище Черниговского скита (у северной стороны храма).

В суровые послереволюционные годы в Сергиевом Посаде нашли приют многие дворянские семьи. Одним из первых в город приехал граф **Юрий Александрович Олсуфьев** с женой. Оставив 5 марта 1917 года свою усадьбу Красные Буйцы в Тульской губернии, Олсуфьевы отправились в Оптину пустынь. Олсуфьев вспоминал: «В Оптине отец Анатолий благословил наше намерение приобрести дом в Сергиевом Посаде, куда мы и переехали жить под покров Преподобного». Этот двухэтажный дом стоит

напротив библиотеки (Валовая, 8). Ю.А. Олсуфьев (1878–1938), искусствовед и выдающийся музейный деятель с 1918 года работал в Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры, потом – в Сергиевском историко-художественном музее. А до этого, когда еще жил в своей усадьбе, возглавлял строительный комитет по возведению храма во имя Сергия Радонежского на Куликовом поле. Облик графа запечатлен хорошо знавшим его художником В.А. Комаровским.

Граф Владимир Алексеевич Комаровский был дружен с Олсуфьевым со студенческих лет – в начале XX века оба учились в Петербургском университете, вместе путешествовали по Италии, изучая памятники искусства. Оба женились на внучках князя Николая Петровича Трубецкого. Комаровскому заказал Олсуфьев написать иконы для храма во имя преподобного Сергия Радонежского на Куликовом поле, – тот уже имел тогда опыт иконописца. Началась война, и художник оказался рядом в Олсуфьевым. Работал под его руководством по организации походных санитарных отрядов во Всероссийском Земском союзе.

В Сергиев Посад Комаровские приехали осенью 1923 года, когда их выселили из их подмосковной усадьбы Измалково. Посад. Поселились в доме Олсуфьевых. Портрет был написан, скорее всего, летом 1924 года.

Есть в облике этого человека, изображенного В.А. Комаровским что-то такое, что трудно выразить. Это портрет графа. Писатель-деревенщик Федор Абрамов однажды в Европе встретил графа, работавшего на земле, француза. И записал в дневнике: «Как будто ничем не отличается. И все-таки чем-то отличается. Руки. Ум. В природе мы редких животных заносим в Красную книгу. А почему не делать того же в отношении людей? Люди разве менее заслуживают внимания как явления природы?».

«...он, может быть, был похож на крестьянина, когда со знанием дела запрягал лошадь или пилил дрова», вспоминала А.В. Комаровская, помнившая своего дядю в 1920-х годах. Пожалуй, точнее, было бы сказать: он старался стать похожим на крестьянина, старался казаться неотличимым от массы. В 46 лет выглядел стариком. Граф-трудящийся – так можно было бы назвать Ю.А.Олсуфьева. Вся жизнь в трудах. В своей усадьбе Буйцы в Тульской губернии. В строительстве храма на Куликовом поле. На

Кавказском фронте во время Первой мировой войны. В Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры. В Сергиевском историко-художественном музее. В Центральных государственных реставрационных мастерских. В Третьяковской галерее.

Когда в 1928 году в Сергиевом Посаде начались массовые аресты, Олсуфьев уехал из Посада, оставив свой дом.

По приглашению И.Э. Грабаря он поступил на работу в Центральные государственные реставрационные мастерские. Сразу же был привлечен к комплектованию заграничной выставки русских икон и к составлению ее каталога. Занимался текущей работой: писал учетные карточки, работал с негативами, вел журнал. Ежегодно ездил, обычно вместе с женой, в экспедиции – описывал произведения искусства, отмечал их сохранность, наличие записей и пробных расчисток. Спасал от гибели сотни икон, сваленных после закрытия церквей в неподходящие для хранения помещения. Обследовал состояние фресок, изучал причины их заболевания, разрабатывал способы консервации и реставрации. После того как в 1934 году ЦГРМ были закрыты, руководил секцией реставрации древнерусской живописи Третьяковской галереи

В январе 1938 года Олсуфьева арестовали и 14 марта расстреляли на Бутовском полигоне.

Не предвиденьем ли мученического конца был светлый, размытый ореол вокруг его головы на портрете?

Женой Ю.А. Олсуфьева и верной помощницей мужа во всех его делах была **Софья Владимировна**, урожденная Глебова (1884–1943), одна из многочисленных внучек князя Николая Петровича Трубецкого.

«Высокая, худощавая, немного смуглая – такой изобразил ее В. Серов. Кажется, художник передал главные ее черты – великолепную простоту, полное отсутствие фальши и богатую внутреннюю жизнь, – писала А.В. Комаровская. – На портрете она причесана по моде 1910-х годов, в нарядном летнем платье. Я же помню ее в черном, повязанном назад платке, крайне просто одетой, спешащей на службу в Гефсиманский скит, или же дома, опустившей голову с прямым пробором над работой. Всегда она была быстрой, бодрой, веселой. Главная ее жизнь была в церкви. Подоив утром корову, она спешила в скит к ранней обедне –

расстояние от города около трех километров, – так же торопливо возвращалась, чтобы поспеть к утреннему чаю дяди Юрия перед уходом его на службу. Дальше шел день, наполненный трудами, а летними вечерами они вдвоем еще успевали сходить погулять в поле, и возвращались в сумерках – бодрые, с букетами в руках».

С.В. Олсуфьеву арестовали 1 ноября 1941 года, когда немецкие войска были уже под Москвой. Власти тогда опасались, что бывшие аристократы ждут прихода немцев. Она получила 10 лет лагерей. Была отправлена в Свияжский лагерь и скончалась там 15 марта 1943 года.

М.М. Веселовская, урожденная княжна Голицына, писала: «В службе Всем Святым, в земле Российской просиявшим, после обращения ко всем русским святым, прославившимся в историческом течении веков и прославивших разные части и области земли Русской, после дивного перечня великих подвижников, которыми создается и прославляется Церковь Русская, в самом конце службы, в 9-й песне канона есть обращение ко всем святым, знаемым и незнаемым, явленным и неявленным. Сколько было таких святых в течение всей русской жизни, сколько подвижников, исповедников и мучеников за последние тяжелые годы гонений на Церковь. Невольно вспоминаются эти последние слова, когда я думаю о Софье Владимировне Олсуфьевой».

В доме Олсуфьевых на Вальной улице в те трудные годы нашли приют родственники Софьи Владимировны – семьи Мансуровых и Комаровских. Они были женаты на родных сестрах Самариных, также как С.В. Олсуфьева – внучках князя Н.П. Трубецкого. Эти семьи жили на первом этаже дома.

Сергей Павлович Мансуров (1890–1929) работал над историей Церкви. А в Сергиевом Посаде в 1918 году его пригласили в Комиссию по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры. Ему была поручена работа в канцелярии и разбор библиотеки Лавры. В результате в сборнике «Троице-Сергиева Лавра» 1919 года была опубликована его замечательная статья «О библиотеке».

Облик С.П. Мансурова и его жены Марии Федоровны находим в воспоминаниях Татьяны Васильевны Розановой, принятой в Комиссию машинисткой, чтобы спасти семью В.В. Розанова от голода. Она так описывала

первую встречу с Мансуровыми: «На мой стук мне открыла высокая, очень красивая белокурая стройная женщина и весьма приветливо позвала меня зайти внутрь. Это была жена Сергея Павловича Мансурова. Желая меня ободрить и как-то успокоить, она ласково предложила мне тарелку грибного супа. Я была этим очень тронута. Оглянулась на комнату... Это была довольно большая комната с двумя окнами, заставленная высокими полками с маленькими книжечками в бумажных переплетах. Это были разные издания о старцах на Руси. Эти книги были большая редкость, они собирались, видимо, с большой любовью в течение долгих лет... Я увидела красивого молодого, высокого человека с удивительно лучистыми, добрыми карими глазами и мягкой улыбкой».

С.П. Мансуров появлялся в канцелярии, по словам Т.В. Розановой, «большой частью с котомкой за плечами. Это он приходит от поздней обедни из Троицкого собора, где покоятся мощи преподобного Сергия. Я знаю, что после занятий Сергей Павлович отправится стоять в очереди за хлебом или за картофелем, для чего у него и покоится за спиной походная сумка».

Многим С.П. Мансуров приносил в те времена утешение, участвовал в нуждах и скорбях друзей и родных. А у самого его здоровье было подорвано и тяжелой болезнью «испанкой», и арестом в 1920 году, когда в тюрьме он переболел тифом. В 1922 году у него начался туберкулез легких. Вскоре его снова арестовали. Хотя арест был непродолжителен, весной 1925 года Мансуровы решили уехать из Сергиева Посада, почувствовав, что жизнь в этом городе становится слишком опасной. В 1926 году он принял сан священника и получил место в Дубровском монастыре близ города Вереи Московской области. Но обострился туберкулез, и 2 марта 1929 года о. Сергия Мансурова не стало. Он был похоронен в Верее. Мария Федоровна прожила еще долгую и очень трудную жизнь. Скончалась в 1976 году. Похоронили ее рядом с мужем.

Граф **Владимир Алексеевич Комаровский** с женой Варварой Федоровной, урожденной Самариной, и детьми Алексеем, Антониной и новорожденной Софьей приехал в Сергиев Посад осенью 1923 года, когда им пришлось покинуть свою подмосковную усадьбу Измалково. Граф был художником, учился в Академии художеств в Петербурге. Потом жил и

учился живописи в Париже. А в России с 1911 года стал работать как иконописец – такое впечатление произвела на него выставка икон, только что расчищенных от потемневшей олифы и поздних записей. Он участвовал вместе с художником Д.С. Стеллецким в создании иконостаса для церкви графа А.О. Медема под Хвалынском, потом, по приглашению Ю.А. Олсуфьева, писал иконы для храма на Куликовом поле.

Вскоре после приезда в Сергиев Посад В.А. Комаровского приняли на службу в Комиссию по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры. Он делал копии с памятников шитья, с миниатюр. Написал несколько пейзажей Лавры, но эти работы не сохранились. Особенно интересны созданные им портреты Ю.А. Олсуфьева и П.А. Флоренского. О. Павел так отзывался о творчестве В.А. Комаровского: «Он ищет конкретного выражения в живописи самого сердца реальности и достиг успехов, которым трудно поверить, не видя его работ».

Но художнику недолго пришлось прожить в Сергиевом Посаде. Уже в 1925 году его арестовали.

Это был не первый арест. Первый раз В.А. Комаровского взяли еще в 1921 году. И, хотя в заключении он находился не очень долго, но его ответы на допросах, очевидно, сказались на дальнейшей судьбе. Он откровенно выразил свои взгляды, сказав, что он «сторонник монархического образа правления, не ограниченного какой-либо конституцией». В дальнейшем он пытался объяснить свою позицию, писал: «... считая себя во время всей моей сознательной жизни монархистом, я в то же время никогда не принимал никакого участия в общественной политической жизни, не принадлежал ни к каким монархическим обществам и союзам, не служил на государственной и военной службе и лишь во время войны в 16-м и начале 17-го годов служил в Земском союзе помощи раненым. Вообще, будучи по призванию художником, никогда не интересовался общественной и политической жизнью. Я по-прежнему считаю, что монархия есть та форма государственного устройства, которая может соответствовать нравственному идеалу».

За художника заступились нескольких известных художников, но это не помогло. Его сослали на три года на Урал, в город Ишим. Когда кончился срок высылки,

возвращаться в Сергиев Посад было нельзя – там как раз в мае 1928 года шли массовые аресты. Комаровские поселились в одной из деревень близ бывшей самаринской усадьбы Измалково. Художник брался за любые работы, чтобы прокормить еще увеличившуюся семью – родился четвертый ребенок – Федор. Большой радостью для Комаровского были удивительные по тому времени заказы: расписать церковь Святой Софии в Москве, а потом – алтарную часть одного храма в Рязани.

Его арестовывали еще несколько раз. Последний раз в 1937 году. Он проходил по делу так называемой «Контрреволюционной нелегальной монархической организации церковников-последователей Истинно Православной Церкви». Расстреляли В.А. Комаровского 5 ноября 1937 года на Бутовском полигоне.

Сохранилось не так много работ этого художника: портреты П.А. Флоренского и Ю.А. Олсуфьева, написанные в Сергиевом Посаде, несколько эскизов стеновых церковных росписей, рисунков, акварелей, и эскизов, сделанных для росписей общественных зданий.

Он не смог сделать всего того, что хотел, к чему стремился, но его имя навсегда останется в истории искусства как первого художника-иконописца XX века.

В 2015 году на доме Ю.А. Олсуфьева стараниями о. Андроника (Трубачева), внука о. Павла Флоренского, была установлена памятная доска. На ней лик преподобного Сергия, а под ним надпись, в которой перечислены и супруги Олсуфьевы, и семьи С.П.Мансурова и В.А. Комаровского. Упомянуто и то, что Олсуфьевы являлись хранителями главы Преподобного. Мощи Преподобного были вскрыты в апреле 1919 года. Когда возникла угроза уничтожения мощей, П.А. Флоренский и Ю.А. Олсуфьев тайно подменили главу святого Сергия и скрыли настоящую в доме Олсуфьевых. Возвращена глава в Лавру была в 1946 году.

Если вы пройдете направо от дома Олсуфьева по Валовой улице, то выйдете на улицу Вифанскую. Пройдя по ней, справа, почти у самого железнодорожного переезда, немного в глубине, будет видно трехэтажное здание – бывшее убежище (приют) сестер милосердия Общества Красного

Креста (ул. Митькина, 37). Построено оно по проекту известного московского архитектора Л.Н. Кекушева в 1910–1911 годах. А в 1912 году в нем устроили домовую церковь Марии Магдалины. В ней по приглашению покровительницы убежища **Великой Княгини Елизаветы Федоровны** священником был о. Павел Флоренский (1912–1921 годы).

В 2014 году на здании установлена памятная доска в честь Великой Княгини святой Елизаветы Федоровны и духовного наставника обители – священника Павла Флоренского (автор Мария Тихонова).

А если по Вальной улице пройти от дома Олсуфьева налево, то увидите с правой стороны дом-музей художника Виктора Юрьевича Багрова «Жили-были» (дом № 22). Этот частный музей существует уже почти десять лет. Он полон старых вещей, и крестьянских, и городских. Художник устраивает выставки, и сам проводит очень интересные экскурсии. И, конечно, в музее можно увидеть и его собственные картины – пейзажи и натюрморты.

Чтобы попасть в район города Красюковку, где селились после революции многие люди, вынужденные бежать из столиц и усадеб и названные «бывшими», надо пересечь железную дорогу, пройти дальше по Вифанской улице, и свернуть налево по Березовому переулку.

Это самый молодой район дореволюционного Сергиева Посада. Называется он так по имени отставного штабс-капитана Михаила Николаевича Красюка, который купил этот участок земли к востоку от Сергиева Посада и обустроил свои владения. Считается, что благословил его на эту покупку знаменитый старец Варнава из Черниговского скита. В 1880-х годах люди начали приобретать у Красюка участки земли и строить дома.

В центре района стоит **церковь Михаила Архангела**, возведенная Красюком в 1902–1903 годах во имя своего небесного покровителя. Выглядит она необычно. Это трехэтажное кирпичное здание башенного типа. С запада к нему примыкает двухэтажный дом, в котором раньше помещалась богадельня, а в 1920-х годах была школа.

Красюковка почти сохранила облик окраины города начала XX века. В ней много зелени, есть березовая роща и довольно большой копаный пруд. По ее тихим улицам – Бульварной, Полевой, Огородной, Лесной – приятно прогуляться пешком. Вначале селились здесь люди состоятельные, дома возводили добротные.

На Полевой улице в доме № 1 в августе 1917 года поселился выдающийся мыслитель **Василий Васильевич Розанов** (1856–1919). Когда немецкие войска подошли к Петрограду, а редакция газеты «Новое время», где он работал, эвакуировалась в Нижний Новгород, Розанов решил бежать из столицы. Он попросил о. Павла Флоренского подыскать ему жилье в Посаде. Такой дом нашелся – самый лучший по тем временам, совсем новый – дом преподавателя Вифанской семинарии о. Андрея Беляева. Владелец тогда служил в армии полковым священником.

К дому, где жил В.В. Розанов, надо пройти несколько шагов от церкви Михаила Архангела по Лесной улице, которая является продолжением Березового переулка, и, обогнув пруд, выйти на Полевую улицу. На двухэтажном доме (Полевая, 1) небольшая памятная доска.

Здесь, в Сергиевом Посаде, В.В. Розанов написал «Апокалипсис нашего времени», отразив события 1917–1918 годов, которые он воспринял, как катастрофу. Несколько выпусков этого труда напечатал сергиево-посадский книгоиздатель и книготорговец М.С. Елов.

В Сергиевом Посаде Розанову пришлось, конечно, нелегко, хотя ему удалось перевезти из Петрограда много вещей, даже мебель. Его дочь Т.В. Розанова писала: «Жили продажей вещей, мебели, книг. Мы сменяли большой буфет орехового дерева на шесть пудов ржи, а дубовый стол – на картошку. Посуду всю меняли на яблоки, то на молоко. Кое-какую одежду, более нарядную, тоже меняли на продукты в деревню. Был такой старичок, который этим занимался, он хорошо к нам относился и с риском для себя привозил нам продукты, ведь везде стояли заградительные отряды и менять тоже не очень-то давали».

Но сами дочери Розанова, взрослые девушки, и не помышляли о том, чтобы найти какой-то заработок. Только благодаря П.А. Флоренскому, Ю.А. Олсуфьеву и С.П. Мансурову Татьяна Васильевна Розанова получила работу машинистки в Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры. Это, конечно, было сделано с единственной целью – помочь Розанову. Ведь эта особа не умела печатать на машинке и вообще, по ее собственному признанию, была бестолковым человеком. Сказывалось воспитание в семье. Дочери были не готовы к жизни, не привыкли серьезно относиться к какому бы то ни было труду, не сознавали, что у каждого человека, кроме желаний, существуют обязанности. По-видимому, Розанов считал, что они, когда вырастут, должны просто выйти замуж. По воспоминаниям Надежды Васильевны Розановой, ее отец говорил так: “Болваны! И чему только учат вас в ваших знаменитых гимназиях!” И далее: «Дома папа при каждом случае обрушивается на профессоров: “Эти пошлые бездарные профессора”, “эти дураки-ученые”. И вообще, кажется, все ученые и профессора у папы ”тупые и безмозглые дураки”». Надо ли удивляться, что пребывание девочек в гимназии «сводилось к одной цели: не слушать того, что говорит учитель (исключение – история и литература), добиться, чтобы голос учителя превратился в какой-то неясный гул и не мешал бы свободно предаваться размышлениям, вернее, мечтательности».

Дочери Розанова не умели и не хотели заниматься бытом. О. Павел Флоренский, видя, насколько они оторваны от жизни, пытался вразумить Т.В. Розанову. Она вспоминала: «Он чувствовал, что я слишком отвлеченная, что меня необходимо поставить на землю, старался привить мне какие-то практические навыки, обращал мое внимание на бытовую сторону жизни, которую я в то время совершенно презирала и не выражала совершенно никакого к ней интереса. Тут он высказывал вообще свой взгляд на жизнь, говорил, что нельзя сосредотачиваться только на одной духовной стороне жизни, считал это даже грехом». Но, по-видимому, было уже поздно.

Судя по прощальным письмам Розанова, список лиц, помогавших ему, был весьма широк. И даже о его похоронах пришлось хлопотать С.В. Олсуфьевой. В дальнейшем она еще много сделала для этой семьи, как и о. Павел Флоренский.

О. Павел Флоренский писал о Розанове: «...он не приемлет ни страданий, ни греха, ни лишений, ни смерти, если бы его приютил какой-либо монастырь, давал бы ему вволю махорки, сливок, сахару и пр., и пр., и, главное, щедро топил бы печи, то, я уверяю, Василий Васильевич с детской наивностью стал бы

восхвалять не этот монастырь, а все монастыри вообще, их доброту, их человечность, христианский аскетизм и т.д. И воистину он воспел бы христианству гимн, какого не слыхивали по проникновенности лирики. Вот приехал Василий Васильевич в Сергиев Посад. Его монастырь даже не заметил, – конечно! – в Посаде выпали на долю Василия Васильевича все те же бедствия, которые в гораздо большей степени в это же время выпали бы в СПб., в Москве и всюду. Нахолодавшись и наголодавшись, не умея распорядиться ни деньгами, ни провизией, ни временем, этот зверек-хорек, что ли, или куничка, или ласка, душащая кур, но мнящая себя львом или тигром, все свои бедствия отнес к вине Лавры, Церкви, христианства и т.д., включительно до Иисуса Христа».

Каждый год 5 февраля, в день смерти В.В. Розанова, собираются исследователи его творчества из Москвы, Петербурга, Костромы, чтобы почтить его память и пройти «Розановской тропой»: библиотека его имени – дом на Полевой улице – могила в Черниговском скиту.

Обсаженная березами Бульварная улица начинается сразу против церкви. В ее начале установлен памятник жителям Красюковки, погибшим на Великой Отечественной войне. В списке пятьдесят фамилий. Памятник соорудили сами жители района.

Дом № 10 на Бульварной улице принадлежал дочери профессора Дерптского Университета М.В. Алексеевой. В 1920-х годах она сдавала комнаты нескольким дворянским семьям: Истоминым, Лопухиным, Челищевым. **Петр Владимирович Истомин (1879–1937)**, происходивший из старинного дворянского рода, приехал с семьей в Посад в 1923 году.

Перед революцией он заведовал канцелярией Великого князя Николая Николаевича, наместника Кавказа. Великий Князь предлагал ему уехать за границу, но он решил остаться в России. Несколько лет Истомины прожили вместе с Комаровскими по их приглашению в усадьбе Измалково. А когда усадьбу пришлось покинуть, приехали в Сергиев Посад. В Посаде П.В. Истомин

очень сблизился с игуменом Гефсиманского скита отцом Израилем, помогал ему юридическими советами. Вся семья часто бывала в скиту на богослужениях.

В 1925 году арестовали нескольких жителей города, назвав арестованных «Сергиевской самаринской группировкой» по фамилии бывшего обер-прокурора Святейшего Синода Александра Дмитриевича Самарина. Он, будучи мужем Веры Саввишны Мамонтовой, тогда уже покойной, жил в абрамцевской усадьбе. Его обвинили в создании «черносотенно-монархической группировки». Арестованных приговорили к различным срокам заключения или высылки. П.В. Истомина получил три года Соловецкого лагеря.

Семья оставалась в Посаде, но в мае 1928 года его жена Софья Ивановна и сын Сергей были арестованы в числе 80 человек, обвиненных в том, что они будто бы входили в число участников «Антисоветской группы черносотенных элементов». Получив «минус шесть», они уехали в Тверь. Петр Владимирович, отбыв свой срок, приехал к ним.

Потом они жили в Орле. Там В.П. Истомина в 1934 году арестовали вместе с детьми Сергеем и Ксенией и выслали на три года в Казахстан. В ссылке Сергей заболел тифом и скончался.

А П.В. Истомина в конце 1936 года арестовали в третий раз. Видимо, в следующем году он погиб.

«Петр Владимирович был одним из самых благороднейших и честнейших людей, каких я знал», – писал о нем князь Сергей Михайлович Голицын.

В соседнем с Истоминными доме поселился князь Иван Сергеевич Мещерский (1893–1937). Он был арестован в 1925 году по одному делу с Истоминным, и также попал на Соловки. Известный историк Н.П. Анциферов встретил князя в Соловецком лагере: «...Иван Сергеевич был благородный, стойкий человек. Внешне он походил на древнерусского князя с новгородской иконы. Как он мужественно переносил все невзгоды, все беды! Мне очень нравилась его манера себя держать, столько в нем было достоинства, внутреннего спокойствия».

После отбытия срока И.С. Мещерский получил «минус шесть», жил в Орле. Он и пригласил в Орел Истоминых, когда началась паспортизация. Они как раз попытались устроиться под Москвой, но паспортов им не дали. И.С. Мещерский сам жил очень скромно, но помогал многим – родственники из-за границы присылали ему валюту на торгсин.

Арестовали его снова вместе с Истомиными. И он попал на Колыму. Дошел там до полного истощения, ослеп и был пристрелен конвоиром, которому лень было перегонять заключенного куда-то по назначению.

В доме М.В. Алексеевой некоторое время прожила и семья **Алексея Сергеевича Лопухина** (1882–1966). После кратковременного ареста в 1924 году ему нельзя было возвращаться в свое тульское имение. А в Сергиевом Посаде у него уже было немало родных и знакомых. В семье было пятеро детей. Надо было как-то зарабатывать на жизнь. И вскоре он стал известен всему городу как чулочник – организовал дома производство чулок на чулочно-вязальной машине.

Но в 1928 году его арестовали по делу «Антисоветской группы черносотенных элементов» и, получив «минус шесть», он с семьей уехал в Тверь.

В Твери он продолжал вязать чулки, но, узнав, что нитки ему продают краденые, возмутился и, как честный человек, отказался от этого заработка. Поступил на работу «пробёром». Ему надлежало брать пробы воды в Волге и ее притоках. Каждый день, без выходных, он проходил километров 15. А зимой надо было еще таскать пешню, чтобы разбивать лед. Сергей Голицын писал, что «заведующий лабораторией мог быть спокоен: пробёр доставал воду в точно указанных местах».

В 1934 году Лопухиных выкупили за валюту родственники жены А.С. Лопухина, баронессы Феклы Богдановны Мейендорф. Семья, в которой было уже семеро детей, уехала в Эстонию, потом – в Германию. После Второй мировой войны Лопухины оказались в Америке.

В том же доме М.В. Алексеевой жили и Челищевы. **Федор Алексеевич Челищев** (1879–1942), принадлежавший к старинной дворянской семье, был арестован в 1925 году по тому же делу, что и П.В. Истомин, – делу так

называемой «Сергиевской самаринской группировки» получил три года высылки в Зырянский край (Коми АССР). После отбытия срока поселился во Владимире.

Там должен он был ходить отмечаться в милиции, где и встретился со своей будущей женой Ольгой Александровной Грессер, судьба которой была очень сходна с его судьбой. Она после окончания Гражданской войны тоже оказалась в Сергиевом Посаде, была арестована в середине 1920-х годов, выслана, потом получила «минус» и поселилась во Владимире.

Сергей Голицын так писал о Ф.А. Челищеве: «... милейший Федор Алексеевич – глубоко религиозный, идеалист-философ, бывший тульский помещик. Высокий, чернобородый, в очках, он тайно писал стихи, любил потолковать о литературе, о русской истории. Жена его, Ольга, была по стать ему – такая же глубокая религиозная идеалистка».

В 1933 году, вскоре после рождения сына Николая, Челищевы переехали в село Норское под Ярославлем, где и пережили массовые репрессии 1930-х годов. Но дом, где они снимали комнату, в 1939 году, сгорел, пропали все вещи. И Челищевы сняли жилье на ветхой даче в Мытищах, под Москвой, а в начале войны перебрались в село под Владимиром. Ф.А. Челищев там и умер от голода, холода и усталости. После войны мать с сыном Николаем жила в Хотькове, под Загорском (Сергиевом Посадам). Она работала медсестрой в психиатрической больнице.

Николай Челищев в 12 лет получил от своей тетки Марии Алексеевны Бобринской такой наказ: «Коля, всегда помни, что ты – сын своего отца. Пусть кругом лгут, крадут, доносят... Но я сама никогда этого не сделаю, и ты никогда этого не сделаешь, потому что мы – Челищевы».

Н.Ф. Челищев, геолог, доктор наук, профессор. Живет теперь в Лондоне. Он автор книг о своем отце, о своем роде и книг, возникших из размышлений о крушении Советского Союза и судьбе постсоветской России.

Дом № 13 на Бульварной улице выделяется высокой остроконечной крышей. Это дом журналиста **Анатолия Александровича Александра** (1861–1930).

В 1880-х годах А.А. Александров издавал журнал «Русское обозрение», в 1890-х – газету «Русское слово». Писал он и стихи, но они были почти не замечены читателями. В 1910 году оставил Петербург и поселился в Сергиевом Посаде. Сотрудничал в журнале «Богословский вестник». После революции отошел от литературной деятельности. Он и его жена Евдокия Тарасовна помогли тогда многим людям, оказавшимся в трудном положении. Не одна семья получала у них первоначальный приют.

В 1927 году А.А. Александров открыл в своем доме бесплатный частный музей на основе собранных им за всю жизнь коллекций. А увлекся этим он еще в молодости. В составе собрания были работы известных художников: В.Д. Поленова, В.М. Васнецова, А.М. Васнецова, К.А. Коровина и др. Обширной была коллекция фарфора. А.А. Александров собрал и большую библиотеку. В 1930 году по завещанию все коллекции и библиотека поступили в Сергиево-Посадский (тогда Загорский) историко-художественный музей. Часть предметов, в том числе картины и этюды В.Д. Поленова и других художников, была передана впоследствии в Музей-усадьбу Поленова и разные государственные музеи. Но значительная часть оказалась утраченной, то есть раскраденной.

Недалеко от церкви Архангела Михаила на Лесной улице в доме Корниловых (№ 5) в 1918 году после женитьбы на княжне **Шаховской Наталье Дмитриевне** (1890–1942) поселился **Михаил Владимирович Шик** (1887–1937). А в 1921 году в Сергиев Посад из Дмитрова переехала и княжна **Анна Дмитриевна Шаховская** (1889–1959). Потом семья перебралась в дом в самом конце Бульварной улицы. М.В. вскоре был принят в Комиссию по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры. Он занимался работами по охране памятников в крае. Для сборника «Троице-Сергиева лавра» написал статьи о Митрополичьих покоях и о колокольне. Но вскоре ему пришлось уйти из Комиссии. Он перешел на работу в Сергиевский педагогический техникум.

В 1922 году родился долгожданный первенец – Сергей.

Дочь о. Павла Флоренского Ольга Павловна вспоминала: «Мы ходили к Шикам-Шаховским. У них была терраса, такая светлая, что казалось, прямо в поле находишься. У меня воспоминания об этом доме связаны с васильками – в поле было много васильков. Помню, как там были крестины, по-моему, Сергея Михайловича. И папа вместо кропила использовал букет васильков».

М.В. Шик глубоко интересовался религиозными вопросами, был до революции активным членом религиозно-философского кружка. В 1918 году крестился. А в Сергиевом Посаде принял сан диакона и служил в Петропавловской церкви. В 1925 году его арестовали, как члена «Сергиевской самаринской группировки». Он получил два года высылки в город Турткуль Каракалпакской АССР. Там, в ссылке, принял сан священника.

Наталья Дмитриевна оставалась в Посаде почти без средств. С полугодовой дочкой ездила в Москву, в Исторический музей, где водила экскурсии, а ребенка оставляла у бабушки. Вечером с продуктами и пеленками в рюкзаке и с ребенком на руках возвращалась домой.

Анна Дмитриевна Шаховская, уже имевшая опыт музейной работы в Дмитрове, работала в Сергиевском обществе изучения местного края и Сергиевском краеведческом музее. Активно участвовала в выпуске статистико-экономического сборника по Сергиевскому уезду. Но в мае 1928 года ее арестовали вместе с большой группой так называемых «бывших» по делу «Анτισоветской группы черносотенных элементов в г. Сергиево». Она получила «минус шесть» и уехала в Ростов Ярославский.

Семья Натальи Дмитриевны сначала поселилась близ станции Томилино Казанской железной дороги, а когда в 1931 году нависла угроза ареста, уехала в г. Малоярославец Калужской области. Н.Д. Шаховская-Шик писала книжки об ученых и изобретателях, переводила детские книжки. О. Михаил тайно совершал богослужения дома. В 1937 году его арестовали. Он был расстрелян на Бутовском полигоне.

Наталья Дмитриевна перенесла тяжелые лишения во время войны и в 1942 году скончалась от туберкулеза.

Анну Дмитриевну Шаховскую академик В.И. Вернадский в 1939 году сделал своим референтом. Она находилась вместе с ним в эвакуации. Вернувшись, усыновила младших племянников – Дмитрия и Николая и дала им свою фамилию. Все пятеро детей этой семьи выросли порядочными людьми, все получили образование, долго и плодотворно трудились.

Дмитрий Михайлович Шаховской, известный скульптор, установил на Бутовском полигоне деревянный крест. По его проекту и при его непосредственном участии в 1996 году на полигоне была сооружена и деревянная церковь во имя Святых новомучеников и исповедников российских

Параллельно Бульварной, ближе к Вифанской, проходит Огородная улиц. На углу ее с Березовым переулком находится дом профессора Московской духовной академии Александра Петровича Голубцова (1860–1911). В 1920-е годы снимала жилье в этом доме **Варвара Григорьевна Малахиева**, литературный псевдоним **Мирович** (1969–1954), поэтесса, близкий друг М.В. Шика и его крестная мать. Приехала она в Сергиев Посад в 1920 году по приглашению Михаила Владимировича и его жены Натальи Дмитриевны. В некоторых ее стихах отражен облик тихого Сергиева Посада, начала 1920-х годов:

Слетаясь на хребте сарая,
 Ворон и галок кружит стая;
 Под сенью трепетных берез
 Звенит на улице покос.
 В саду, за частым частоколом,
 С жужжанием дремотным пчелы
 Снуют в малиновых кустах.
 Как страж, малина на часах,
 Под ней скамья за воротами –
 Сидеть вечерними часами
 В беседе мирной старикам...

Большое место в творчестве В.Г. Малахиевой-Мирович занимали стихи, проникнутые религиозным чувством.

Три волхва идут ночной пустыней –
 Мельхиор, Каспар и Валтасар.
 – Слышен вам далекий голос львиный? –
 Оробев, шепнул Каспар.
 Валтасар сказал: – Я умираю.
 Жажда мучит. Путь еще далек.
 Целый день ключа мы не встречали.
 Все песок, песок...
 Лучше бы от крепкой лапы львиной
 Поскорей бы снести один удар,
 Чем влачиться без конца в пустыне.
 И сказал: – Ты прав, – ему Каспар.
 Мельхиор же не слышал их речи.
 Вся пустыня перед ним цвела
 Радостью обетованной встречи
 С Тем, к Кому звезда вела.

Много у В.Г. Малахиевой-Мирович и детских стихов. Она начала их писать первенцу Шиков-Шаховских Сереже. Это стихи, созданные в традициях дореволюционной детской литературы, вызывающие в ребенке чувство жалости ко всему живому. Потом такая литература была осуждена – объявлена фальшиво-сентиментальной. И теперь мы удивляемся возросшей детской агрессии.

Подстрелили ворону дети –
 Играли, шалили с ружьем.
 Полетела ворона в поле
 И упала на снег ничком.

И чернела в снегах ворона,
 А вечерних небес бирюза
 Ей длинным взором зеленым,
 Как смерть, глядела в глаза.

И погасла. И ночь настала.
 Детям сладкий сон принесла.
 А ворона всю ночь умирала,
 Все никак умереть не могла.

В последние годы с выходом в свет дневника В.Г. Малахиевой-Мирович: Маятник жизни моей. Дневник русской женщины 1930–1954 (М., 2015) и дневников ее друга Ольги Бессарабовой: Марина Цветаева – Борис Бессарабов. Дневники (1915–1925) Ольги Бессарабовой (М., 2010) можно немало узнать и о жизни самой поэтессы и о многих знакомых ей людях.

На Огородной улице в 1911 году поселился друг А.А. Александрова художник-живописец **Михаил Васильевич Боскин** (1876–1930).

Был он крестьянской семьи. В тринадцать лет отправился с отцом на зиму в Питер на заработки, на табачную фабрику. А на следующую зиму, уходя из дому, захватил с собой рисунки и показал их в Рисовальной школе Общества поощрения художеств. Его приняли. После окончания школы он еще три года состоял вольнослушателем в Академии художеств. Потом поселился в Москве, участвовал в выставках Московского товарищества художников. 1907 год прожил в Сергиевом Посаде, а на следующий год, оставив семью в Москве, поехал на полгода в Париж. В 1911 г. Михаил Васильевич купил в Сергиевом Посаде дом и в нижнем этаже устроил мастерскую. Во время Первой мировой войны дом пришлось продать. Новый маленький домик (№ 14), был построен уже в 1921 году. Сейчас к нему сделана новыми хозяевами большая пристройка.

Полотна М.В. Боскина со сценами крестьянской жизни необыкновенно яркие и красочны. Но значительную часть их мы знаем только по открыткам, выпущенным акционерным обществом Гранберг в Стокгольме. Работы многих русских художников экспонировались в 1914 году в шведском городе Мальмё. И в связи с Первой мировой войной и последующими событиями большая часть картин пропала.

В октябре 1918 г. М.В. Боскина, пригласили на работу в качестве члена Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры. С декабря 1918 – по апрель 1919 г. он занимался приемкой тканей и шитья XVIII–XIX веков. В его докладах Комиссии за этот период перечислены сотни вещей. Затем ему была поручена приемка серебряных предметов ризницы и, кроме того, охрана ценностей абрамцевской усадьбы.

С 1923 г. Боскин начал вести занятия в Художественной студии. Разрабатывал образцы росписи кустарных изделий, потом работал декоратором в Сергиевском драматическом театре.

Часть картин М.В. Боскина находится в Сергиево-Посадском историко-художественном музее-заповеднике. Иногда они экспонируются на выставках. А часть была утрачена. Вероятно, они экспонировались в 1914 году на выставке в шведском городе Мальмё и в связи с событиями Первой мировой войны не вернулись в Россию, как и полотна еще нескольких русских художников. Но акционерным обществом Гранберг в Стокгольме были выпущены открытки с картин М.В. Боскина. На них изображены яркие, красочные сцены русской крестьянской жизни.

Художником стал и один из сыновей М.В. Боскина – Сергей (1907–1992). Он жил в том же доме на Огородной улице. После войны занимался реставрацией икон и настенной живописи в Лавре под руководством известного художника и музейного деятеля П.И. Нерадовского. Кроме того, **Сергей Михайлович Боскин** создал в Лавре церковный хор и был его регентом. В 1968 году он получил сан диакона и служил сначала в Ильинской церкви, а потом в Черниговском скиту.

На Огородной улице, в доме № 23 жила семья Трубецких. Большая часть лиц этого княжеского рода оказалась в изгнании. Но **Владимир Сергеевич Трубецкой** (1891–1937), сын известного философа Сергея Николаевича Трубецкого и внук Николая Петровича, последнего из Трубецких, владевших Ахтыркой, остался в России. В конце 1980-х годов эту семью на фоне Лавры изобразил художник Илларион Владимирович Голицын.

На картине возвышается фигура В.С. Трубецкого в белом парадном мундире. В прошлом он офицер полка синих кирасир лейб-гвардии Ее Величества императрицы Марии Федоровны, участник Первой мировой войны. В Сергиев Посад приехал с семьей в 1923 году. Зарабатывал на жизнь тапером в кинотеатре, игрой в ресторане, в театре и на похоронах. А еще писал веселые охотничьи рассказы. Они печатались в журнале «Всемирный следопыт». Началось это так. Однажды Трубецкой подстрелил галку, но не обычную, а желтую. Явление хроматизма в природе очень редкое. Он узнал, что такая птица может

заинтересовать Зоологический музей, и привез ее в Москву, рассчитывая заработать. В музее договорился, но деньги обещали только на следующий день. Зашел к родственникам, Голицыным, положил вещи в прихожей и стал рассказывать о своей удаче. А в это время кошка съела галку. Но Владимир Сергеевич не очень расстроился: не удалось получить денег за галку, можно попробовать получить за рассказ об этом случае. Иллюстрации сделал его родственник художник Владимир Михайлович Голицын (отец Иллариона Голицына). Рассказ напечатали. И вот один за другим стали появляться во «Всемирном следопыте» рассказы за подписью В. Ветов – такой псевдоним взял Трубецкой. Сам он фигурировал в рассказах под именем Хвоща – Голицын изображал автора в обтрепанных мохнатых обмотках, напоминавших на его длинных ногах стебли этого растения.

С концом НЭПа жизнь семьи стала совсем трудной. «Всемирный следопыт» был закрыт – М. Горькому не нравилась приключенческая литература. Трубецкие, как и другие «бывшие», были объявлены лишенцами, то есть людьми, лишенными избирательных прав. «Лишенцы» не имели права быть членами профсоюза. И Трубецкого уволили из профсоюза работников искусств, где он состоял как музыкант. Автоматически это повлекло увольнение из кинотеатра – там он перед сеансами играл на виолончели в составе трио. «Лишенцам» не полагалось продуктовых карточек. А без карточек купить продукты можно было только на валюту или за золото в торгсине. Немного присылали родственники, оказавшиеся за границей. А.В.Трубецкой вспоминал, что «однажды отец пришел домой, нагруженный кулками с крупой, мукой, какими-то жирами. На вопрос матери: "Откуда?" – он, молча, показал кисть правой руки уже без обручального кольца». Скоро пришлось сменить квартиру – дом, который Трубецкие снимали, у хозяина отобрали. Все девять человек жили теперь в одной комнате, в которой было так сыро, что по стенам текла вода.

В 1934 году В.С.Трубецкого и его старшую дочь Варвару арестовали, обвинив в том, что он будто бы является связным между зарубежными и отечественными лингвистами. А ему перед этим удалось съездить во Францию – отвезти сына Григория, больного астмой, на лечение. Там он встретился с братом Николаем Сергеевичем, ученым с мировым именем, крупнейшим лингвистом, основателем новой науки фонологии. Может быть, и разрешили-то Трубецкому съездить за границу с дальним прицелом – сочинить международный заговор. По этому «Делу славистов» было арестовано много народа. Трубецкого сослали в

Среднюю Азию, в город Андижан. Там он успел написать часть своих воспоминаний. Одному из сыновей удалось спасти рукопись при обыске и аресте в 1937 году. Благодаря этому воспоминания впоследствии увидели свет. Их автора расстреляли в 1937-м.

А парадный кирасирский мундир с золотыми пуговицами долго хранился в сундуке. Скорее всего, как память – В.С.Трубецкой в этом мундире венчался. И, возможно, сыграл роковую роль в судьбе семьи.

На картине в центре группы Елизавета Владимировна Трубецкая, урожденная княжна Голицына, с грудным ребенком на руках. М. Пришвин записал в дневнике весной 1927 года: «Встретил княгиню, идет за провизией, потому что завтра новое Благовещение, и будто бы не будут торговать. Я ей сказал: “УКОМ приказал торговать”. Но она все-таки пошла. Говорят, она религиозная, только я не думаю, что сильно: она для этого просто уж сильно утомлена, детей много, мать».

Да, она очень уставала, прежде всего, от бедности. Но ее сын Андрей вспоминал: «Естественно, что мать занималась и нашим религиозным воспитанием. Читала нам Священное Писание, а на ночь мы вместе с ней молились. Дома отмечались все церковные праздники, особенно Пасха и Рождество.

Возле родителей на картине стоят дети. Одна из знакомых Трубецких вспоминала: «Детей было так много, что трудно было их не спутать. Две старших еще выделялись. Остальные ходили гурьбой или вереницей, все худенькие, бледные, с большими глазами и худенькими голыми ручонками и тоненькими ножками. Они напоминали паучков ... Старшему мальчику Грише было лет 9, а за ним шла девочка Варя лет 7. Этот мальчик Гриша поражал страдающим выражением глаз, совершенно недетских. Он страдал астмой, ему нельзя было бегать, он задыхался.... Нельзя было на него смотреть без чувства глубокой жалости».

В 1937 году Гришу арестовали и приговорили к 10 годам лагерей. На картине он стоит по левую руку от родителей.

О Варе вспоминала другая знакомая семьи: «Пришла к нам такая худышка, замухрышка-девочка. И вот я надела на нее своего белого песца, прикрыла немного ее плечики – эта фотография есть – и эта девочка такая стала хорошенькая, в ней сразу княжна появилась».

Варю взяли прямо со встречи Нового – 1934 – года. Ей было 17 лет. Выслали вместе с отцом в Среднюю Азию, а в 1937 году снова арестовали и расстреляли. На картине она вторая с правой стороны от матери.

С краю, на коленях, ее сестра Александра. Ее школьная подруга вспоминала: «Особый след в душе оставила Шура Трубецкая. Дома ее Татей звали. Знаете, к ней даже блатные мальчишки относились с нежным чувством. Она действовала облагораживающе. Была в ней какая-то кристальная чистота. И даже обормоты на нее смотрели, как на что-то святое... Трубецких выслали в Среднюю Азию. Седьмой класс Шура не успела закончить. А в восьмой ее там не приняли. Она писала мне. Только ее письма сохранила».

Татю арестовали в 1937. В лагере она заболела смертельно.

Дольше всех дочерей оставалась с матерью младшая – Ирина. Она стоит, прижавшись к матери, с левой стороны.

Справа от матери, чуть позади, видна длинная фигура Андрея. Впереди него маленький синеглазый мальчик Сергей. За свои огромные глаза он получил в детстве прозвище «Озера». «Сергей был очень впечатлительным мальчиком, вспоминал Андрей. – Он не мог спокойно слышать музыку похоронного оркестра. Заслышав еще издали первые звуки, он весь настораживался, напрягался, его “озера” еще больше расширились, затем начинал кричать и убегал домой в панике». У родителей не было возможности учить ребенка музыке, но в дальнейшем, благодаря идеальному слуху, Сергей стал первоклассным настройщиком роялей.

С краю на картине стоит с удочкой Владимир. Рядом с ним на траве белая собака. Неподалеку от дома, где жили в Посаде Трубецкие, находится Скитский пруд, и мальчики проводили там немало времени – купались, ловили рыбу, катались на плотках и на лодках. А так как Владимир Сергеевич был страстным охотником, в 1920-е годы в доме была и охотничья собака. Но, кажется, художник изобразил не охотничью собаку, а просто дворняжку – в 1930-е годы из-за нужды породистых собак уже не держали.

Андрей, Сергей и Владимир – воины.

Андрея призвали еще в 1939-м, так что он оказался в боях с первого дня войны. Вскоре его тяжело ранило под Гдовом, и он попал в плен. Оказался в Вильнюсе, в госпитале для военнопленных. Из-за «громкой» фамилии о нем узнал родственник, находившийся в Литве, и получил разрешение взять его из госпиталя, как прямого потомка Великого князя Литовского Гедимина (в XXI

колене). Имя Гедимины носила тогда главная улица Вильнюса. А.В.Трубецкой подлечился и окреп. Побывал даже у родственников в Вене. Но мечтал вернуться домой. Наконец, ему удалось с несколькими товарищами попасть в польский партизанский отряд, действовавший в лесах под Кенигсбергом. Потом перешел в советский партизанский отряд. Отряд соединился с регулярными частями Советской Армии. Трубецкой был ранен в боях под Кенигсбергом, награжден орденом Славы 3-й степени. Встретил день Победы на подступах к городу Цвиттау в Германии. На вопрос: «Почему вы вернулись? Вы же могли остаться за границей» Андрей Владимирович ответил: «Из-за Родины и из-за матери».

В 1946 году А.В. Трубецкой демобилизовался и восстановился в Московском университете, куда поступил первый раз еще до войны. А в 1949 году его арестовали – он отказался сотрудничать с МГБ. Приговорили к 10 годам лагерей и отправили под Джезказган. В лагере он снова отказался сотрудничать с «органами» и потому много времени провел в штрафной, так называемой режимной бригаде. Часть времени работал в лагерьном медпункте. В 1955-м был реабилитирован и снова, в третий раз, поступил в МГУ. Свою одиссею он рассказал в книге «Пути неисповедимы».

Владимира призвали в начале 1943-го. Он участвовал в битве на Курской дуге. Был сапером, потом служил в разведывательной роте танкового полка. С боями дошел до Одера. При переправе его ранило в ногу. Вывалился из лодки. Противоположный берег был ближе, и он поплыл туда, а немцев-то еще не выбили. Пролежал сутки в ледяной воде у берега. На другой день наши подобрала, отвезли в госпиталь. Простудившись в ледяной воде заболел воспалением легких... Не до ноги было. И ногу пришлось ампутировать. Вернулся он с орденом Красной Звезды и медалями. Поступил на исторический факультет МГУ.

Сергей попал на фронт в 1944-м, в бронетанковые войска. Участвовал в битве на Сандомирском плацдарме. Его танк подбили, а сам он получил ранение в ногу. Из госпиталя вышел инвалидом.

Вернулись братья-воины, а матери нет. Она оставалась в деревне под Талдомом (за 101-м километром). Перебралась туда после ареста мужа и старших детей. Родственники помогли купить пишущую машинку – немного удавалось зарабатывать перепечаткой. Младший ребенок был такой худенький, прозрачный, как стекло, что брат дал ему прозвище «Стеклярус». Еще хуже стало, когда началась война. Георгий вспоминал: «Лебеду ели, мороженую картошку ели,

дохлую кошку ели... Спать было невозможно из-за вшей. Мать уходила по деревням побираться, приносила 5-6 картошинок, иногда кусок хлеба». Потом одна пьяница донесла на «недобитую княгиню». Георгий помнит, что пришли двое в белых валенках с орденом, обнаружили при обыске белый мундир с золотыми пуговицами – мундир офицера кирасирского полка. «Надо было видеть выражения их лиц – не иначе самого Гитлера поймали. Эти, которые в белых валенках, все унесли и маму увели. Больше я ее не видел, через два месяца она умерла в тюрьме». Елизавета Владимировна успела только перекрестить сына. Он остался, восьмилетний мальчик, больной тифом.

Вернулись с войны братья, а дома нет. Брат Гриша в лагере в Сибири. Татя умерла. Ирина ездила по стране в почтовом вагоне. Об отце и Варе ничего не известно. Тогда не понимали, что «10 лет без права переписки» значило – расстрел.

А на картине они еще все вместе. Их головы вторят золотым главам церкви. Фигуры удлинены, как на древнерусских иконах. И, может быть, впервые на картине, как на иконе появились надписи. Это – картина-воспоминание. Зыбкой кажется преграда между прошлым и будущим. Возникает ощущение и бренности всего сущего, и вечности жизни.

Через один дом от Трубецких в 1920-х годах жил князь **Владимир Михайлович Голицын** (1847–1932), в прошлом гражданский губернатор Москвы, потом городской голова Москвы. Он был отцом жены В.С. Трубецкого – Елизаветы Владимировны. Приезжал сначала только на летние месяцы. Но в 1929 году семью Голицыных выселили из Москвы, как «лишенцев», то есть лиц, лишенных избирательных прав, и будто бы нигде не работающих.

С.М. Голицын, внук старого князя, вспоминал: «В первые годы революции, когда нас выселяли, всегда предоставляли, хотя и плохое, но все же под крышей жилье. Теперь беспощадная Фемида изрекла: “Выметайтесь, куда хотите”. За три дня до нашего отъезда явились двое в сопровождении управдома. Увидев, что вся мебель стоит на своих местах, они начали кричать и грозить, что будут вещи выкидывать на улицу, что сейчас по всей Москве выселяют лишенцев.

Восьмидесятидвухлетний дедушка, в былые годы как городской голова много добра принесший Москве, наше изгнание переносил тяжелее всех. В час

прихода этих людей он сидел за столом и мирно раскладывал пасьянс. А тут закричал: “Нет, нет, не могу, не могу!” – и начал валиться набок.

Управдом и я подхватили его и дали ему воды. А те двое стояли и посмеивались».

После выселения из Москвы старик жил в Сергиевом Посаде вместе с Трубецкими. А когда им пришлось выселиться из дома на Огородной, В.М. Голицына взяла семья его сына Михаила, жившая в то время уже в Дмитрове. Там он и скончался. Всю жизнь этот человек вел дневник. Более 30-ти толстым томов дневника находятся теперь в Отделе письменных источников ГРБ. Небольшая часть их опубликована благодаря трудам внука его Иллариона Голицына.

Немало еще известных людей жило на Красюковке да и в других районах города. Так, на Кооперативной улице, неподалеку от вокзала, жил художник **Владимир Андреевич Фаворский** (1886–1964) с семьей. Дом отмечен памятной доской. На Красной улице (теперь улице Шлякова) стоял раньше очень заметный деревянный дом с мезонином, украшенный резьбой. Его купила **Анна Ивановна Хвостова** (1886–1938), начальница Елизаветинского института благородных девиц. В этом же доме поселилась и ее сестра **Ольга Ивановна Раевская** с детьми. А.И. Хвостовой и ее дочери **Екатерине** пришлось оставить собственный дом – они были арестованы в 1925 году и получили «минус шесть». Обе погибли во время Большого террора. Дом не сохранился.

Прямо на территории Лавры жили первые директора Сергиевского историко-художественного музея: художник **Владимир Дмитриевич Девиз** (1959–1937) и искусствовед **Алексей Николаевич Свирин** (1886–1976).

Можно назвать еще много известных людей, в разные периоды истории живших или бывавших в Сергиевом Посаде. Всех их привлекала, конечно, прежде всего, Троице-Сергиева лавра. Закончить хочется словами Митрополита Московского Филарета: «... знаю, что и Лавра Сергиева, и

пустыня Сергиева есть одна и та же и тем богата сокровищем, то есть Божию благодатью, которая обитала в Преподобном Сергии, в его пустыне и еще обитает в нем и в его мощах в его Лавре».

Основная литература

- Андроник (Трубачев), игумен.* Закрытие Троице-Сергиевой лавры и судьба мощей преподобного Сергия Радонежского в 1918–1946 гг. М., 2008.
- Балдин В.И.* Загорск. М., 1984.
- Наследие В.В. Розанова и современность. Материалы Международной научной конференции. М., 2009.
- Протоиерей Александр Мень – путь человеческий. М., 2010.
- Смирнова Т.В.* Из прошлого Сергиевской земли. Сергиев Посад, 2011.
- Смирнова Т.В.* «...под покров Преподобного». Очерки о некоторых известных семьях, живших в Сергиевом Посаде в 1920-е годы. СвТСЛ, 2007.
- Смирнова Т.В.* Святые окрестности Троице-Сергиевой лавры. Сергиев Посад, 2012.
- Токарева Т.Ю.* Приходские церкви Сергиева Посада. Сергиев Посад, 1997.
- Филимонов К.А.* Новая Гефсимания. М., 2000.
- Филимонов К.А.* Благовещенская церковь и село Благовещенье. СвТСЛ, 2013.
- Шпанькова Т.Н.* Сергиев Посад. Прогулки по родному городу. Красюковка. Сергиев Посад, 2007.

Содержание

На Богомолье к Троице

Сергиев Посад. Путь к Лавре

Памятник Савве Мамонтову (...); Блинная горка (...); памятный знак «Чудо Сергия о птицах» (...); Надкладезная часовня Пятницкого монастыря (...); Введенская и Пятницкая церкви на Подоле (...); Пятницкая башня (...); Красногорская площадь (...); Красногорская часовня (...); Красные торговые ряды (...); памятник родителям преподобного Сергия Кириллу и Марии с детьми (...); Успенские и Святые ворота (...).

Троице-Сергиева лавра

Троицкий собор

Успенский собор и другие храмы и памятники Лавры

Обелиск (...); Духовская церковь (...); Никоновский храм (...); Серапионова палатка (...); колокольня (...); Трапезная с церковью преподобного Сергия (...); надвратная церковь Иоанна Предтечи (...); Михеевская церковь (...); Митрополичьи покои (...); Больничные палаты с церковью Зосимы и Савватия (...); Казначейский корпус (...); Успенский собор (...); Надкладезная часовня (...); гробница Годуновых (...); царские Чертоги (Московская духовная академия) (...); Смоленская церковь (...).

Вокруг Лавры

Красная башня (...); памятник преподобному Сергию (...); Сушильная башня (...); Уточья башня (...); Белый пруд (...); Конный двор (Музей-заповедник) (...); Петропавловская церковь (...); Звонковая башня (...); Каличья башня (...); Плотничья башня (...); Келарская башня (...); Пивная башня; Водяная башня (...); Ильинская церковь (...); «Луковая башня (...); Пафнутьев сад (...); Келарский пруд (...); Памятник святым Петру и Февронии (...); Музей игрушки (...); Пятницкая башня (...).

Святые окрестности Лавры

Спасо-Вифанский монастырь (...); Черниговский скит (...); Киновия (...); Пустынь Святого Параклита(...).

Парк «Скитские пруды»

Памятник М.М. Пришвину (...).

Село Благовещенье (...).

Семхоз

Церковь Усекновения главы Иоанна Предтечи (...); церковь преподобного Сергия (...).

Под покровом Преподобного

О. Павел Флоренский (...); графы Олсуфьевы (...); Мансуровы (...); графы Комаровские (...); В.В. Розанов (...); Истомины (...); князь Мещерский (...); Лопухины (...); Челищевы (...); А.А. Александров (...); М.В. Шик и княжны Шаховские (...); В.Г. Малахиева-Мирович (...); Боскины (...); Князя Трубецкие (...); князь В.М. Голицын (...).

Смирнова Т.В.

Сергиев Посад и окрестности

Серия книг «Города Подмосковья. Прогулки во времени и пространстве»

Контакт с автором Татьяной Васильевной Смирновой по
e-mail: smirnowatw@mail.ru